№404/к
А 3602 Рос 4-4 1-857

# КАЗАКИЯ

ДОНСКОЙ АРХИВЪ
18. VI. 193[illegible] г.
№ 308. 404

## ТРИЖДЫ ВОСКРЕСНЕТ!

Центральный Государственный архив Октябр. и-й Революц. и соц. стр-ва Гелос. и СС
Ф. № 7030 оп. № 3 ед. хр. 214

апрель
1937 г.

№ 3 (21)

# СОДЕРЖАНИЕ


**1. От президиума центрального правления ВК-КН.**

**ОТДЕЛ НАУЧНЫЙ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ:**

2. Полк. Др. С. А ФЕДОРОВ: Казачья Нация (Вопрос культуры).
3. Генерал П. Х. ПОПОВ: Основные Законы ВВД
4. Ш. Н. БАЛИНОВ: К статье ген. П. Х. Попова.
5. Полк. А. И. БОЯРИНОВ: О казачьем аграрном вопросе.
6. Полк. М. Д. ИЛЬИН: Из Азовской эпопеи.
7. Инж. В. Г. ГЛАЗКОВ: Разочарованные путешественники.
8. ЕГО ЖЕ: Единство и независимость.
9. Под'ес. А. Е. АЛИМОВ: Казачья актуальность.
10. С. Б. БАЛЫКОВ: По моменту (Окончание).
11. Г. Л. ЕРЕМЕНКО: Казачье „арийство".
12. И. И. БЕЗУГЛОВ: Политический обзор.
13. А. НЕВИДИМОВ: Казачество в опасности.

**ОТДЕЛ ЛИТЕРАТУРНЫЙ:**

14. ЯКОВ ЛОПУХ: Пасхальная ночь эмигранта (стих).
15. ПАВЕЛ ПОЛЯКОВ: (стихотворение).
16. ГНАТ МАКУХА: (стихотворение).
17. МИХ. МУРЗИН: Дон (стих).

**ОТДЕЛ ИСТОРИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ:**

18. А. Н. ТРОФИМОВ: Степан Тимофеевич Разин (продолжение).
19. Проф. Ф. А. ШЕРБИНА: Пережитое, передуманное и осуществленное.

**ЖИЗНЬ КАЗАЧЕСТВА ЗА РУБЕЖОМ:**

20. ХРОНИКА.


---


**Представители журнала:**

1. Owsianik. König. Elisabethstr. 8. Berlin — Charlottenburg.
2. Balinoff. 7. rue du Chemin-Creux. Joinville-le-Pont (Seine( France.
3. Jng, Tulaiew. Litewska, 7 m. 4. Wilno. Pologne.
4. Jng, Fedorow. Jaromirova, 456. Praha-Nusle údoly. Ç. S. R.
5. Jng. c. Mosev. Brno. Jakubska. 1. Ç. S. R.
6. Jng. c. Perfiliev. Beograd. Donska, 1. Jugoslavie.
7. J. Bezuglov. Bıafislava. Marsnerova, 13. C. S. R.
8. Khoroujenko. 82, av. Sidoine Apollinaire. Maison-O-Lyon (Vaise). France.
9. Anikouchine. Box76. Avon Lake. Ohio U. S. A,
10. Elisseeff. 31a, Str. Cassianu. Cluj. Romania
11. Alimoff. 3.Av. Albert-Bartholemè. Paris — 15. France.
12. агр. И. М. Евсиков; ул. Царь Асенъ, 69. София.

---

**Всю переписку по делам редакции, подписную плату и материалы для журнала направлять по адресу:** Balykov. U. Trnavske Cesty, ev. c. 150. Bratislava. Tchecoslovaquie.
**Гонорар не платится. Ненапечатанные материалы возвращаются только при оплате автором стоимости обратной пересылки.**

---

Подписную плату за журнал, как и случайные выручки за отдельные номера его, нужно посылать ред. Балыкову или представителям журнала. Из тех стран, откуда нельзя посылать деньги, расчет производить купонами международного почтового союза.
Адрес: S. Balykov, U. Trnavske, ev. c. 150. Bratislava. Tchecoslovaquie.


---

**НЕ РАСПЛАТИВШИМСЯ ЗА ЭТОТ НОМЕР, СЛЕДУЮЩИЙ НОМЕР ВЫСЛАН НЕ БУДЕТ.**

Рос 4-4
1-857

# КАЗАКИЯ-КОЗАКІЯ-KOSAKIA

ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ И ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЖУРНАЛ

под. редакцией: С. БАЛЫКОВА, Г. ЕРЕМЕНКО и Ф. ОБОЛЕНСКОГО

№ 3 (21) Апрель 1937 года. № 3 (21)

## Центральное Правление ВК поздравлят всех казаков с ПРАЗДНИКОМ ПАСХИ.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА ... ОТДЕЛ ... им. В. И. ЛЕНИНА
61.3(2)3

## ОТ ПРЕЗИДИУМА ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРАВЛЕНИЯ ВК-КН.

Отклики, полученные Президиумом Центрального Правления, по содержанию передовицы в прошлом номере „Казакии", воочию показали, что идея созыва Казачьего Национальоого С'езда, состоящего из представителей всех существующих Вольноказачьих Округов без разделения по ориентациям на тот или иной центр, из представителей иных казачьих национальных организаций, которые по различным обстоятельствам до сих пор не входят оффициально в русло организованного Вольноказачьего (национально-освободительного) движения, и членов руководящего кадра казаков-националистов, весьма положительно воспринята казачьей национальной общественностью. Большинство откликнувшихся высказались в пользу самого широкого представительства от всех казачьих организаций, имеющих однородные цели и задачи национального характера т. е. защищающих права Казачества на государственную самостоятельность. Точно также высказано мнение в пользу созыва с'езда по возможности из лиц, интеллектуально соответствующих важности и серьезности предстоящих задач.

Принимая во внимание эти пожелания и считая их правильными, Президиум, от имени Центр. Правления ВК., настощим приглашает на Общеказачий Национальный С'езд представителей:

а) От всех существующих Вольноказ. Округов без исключения,

б) От всех каз. нац. организаций, оффиц. не входящих в округ,

в) от редакций журналов — „Вольное Казачество", „Казакия", „Казачья Лава", „Ковыльные Волны", „Единство и Независимость" и „Казачья Воля" по одному представителю. Представителем от округа не обязательно лицо из Окружного Правления. Организации округа путем с'езда или письменного обмена мнениями между организациями могут делегировать на С'езд любого члена округа. Представители редакций, если прибывают не сами редакторы, должны иметь полномочия от редакций.

Ввиду того, что нет ни одного округа, который целиком об'единял бы все вольно-казачьи организации в стране, приглашается по одному делегату на страну и от тех организаций, которые не входят в состав оффициального округа.

Наряду с представителями округов и редакций, ввиду чрезвычайной важности предстоящих на с'езде задач, приглашаются и все члены руководящего кадра казаков-националистов, без положительного участия коих совершенно немыслимо успешное развитие вольно-казачьего движения.

Ввиду того, что организация „Лига Возрождения Казачества" публично отказалась от примечания к §-3-му своей программы, чем ныне устранила главное препятствие к нашему взаимному сближению, приглашаются представители от этой организации и редакции „Казачьего Дела". Приглашается представитель и от редакции журнала „Наша Станица", как от невраждебного казачьему национальному движению, об'ективного, чисто казачьего, беспартийного органа.

Основная повестка с'езда заключает в себе следующе вопросы:

1. Организация Общеказачьих национальных сил.
2. Программа Каз. Национального Движения.
3. Организационный Статут. Каз. Нац. Движения.
4. Общая линия тактики каз. националистов.
5. Текущие дела.

С'езд в первых числах июля. Работа С'езда продолжится не больше трех дней. Состоится С'езд в одном из придунайских государств. Точные указания будут сообщены Президиумои ЦП всем делегатам и сообщившим о возможности своего приезда иным приглашенным дополнительно и непосредственно.

Центральное Правление совершенно не располагает средствами для оплаты расходов, связанных с прибытием делегатов. Оно не имеет посторонних субсидий и не собирало от казаков специальных взносов на с'езд. Поэтому участники Казачьего Национального С'езда должны отправиться, жить и уехать на свой счет. Центральное Правление может только исхлопотать визы и выслать к сроку тем, кто будет выбран и имеет возможность приехать.

Для того, чтобы Президиум Цент. Правления своевременно мог выслать визу и сообщить о точном времени и месте С'езда, предлагается всем выбранным делегатам от округов и групп заранее сообщить свои адреса, имя и фамилию. (О членах руководящего кадра эти данные есть). Округа, редакции и группы, при наличии непреодолимых трудностей для приезда, могут дать полномочия и лицам, живущим в других странах, снабдив их наказами.

Руководясь исключительно интересами Казачьего Национального Движения, четко сознавая крайнюю неотложность и необходимость об'еди

нения, всех наличных сил Национального Казачества в одно организованное целое вокруг единого центра, настоящим призываем всех честных казачьих националистов отбросить в сторону мотивы разногласия и прибыть на С'езд с искренним намерением — принести пользу общему делу в ответственный час казачьей национальной истории. Напоминаем всем вольным казакам, что Центральное Правление настоящим делает искреннюю попытку об'единить и организовать все силы Вольноказачьего Движения.

Те, кто найдут отговорки для неучастия в С'езде, а потом будут говорить, что они не участвовали в нем, а потому не признают и т. д., неопровержимо докажут свою политическую незрелость или политическую двусмысленность, и Вольноказачий центр будет иметь полное моральное право игнорировать их голоса.

Призываем вольных казаков заранее выбирать и посылать на С'езд только разумных, толковых и добро-порядочных людей, искренно настроенных в духе об'единения. Слишком ответственен этот С'езд и очень важна предстоящая задача, чтобы попусту тратить в прениях и без того краткое и дорогое время.

Центр. Правление делает всё, что только в его силах. Если есть общее желание организовать казачьи национальные силы, чтобы наше движение стало могучим фактором и увеличило шансы на осуществление нашей главной цели — освобождение Казачества, то предлагаемый с'езд вполне осуществим, и он достаточно полно будет отражать мнение всего Национальвного Казачества. Все округа и организации призываем выполнить свой долг, заранее приняв меры (сборы средств на поездку) чтобы их делегаты могли принять участие в работах С'езда. Призываем все редакци журналов, проповедуюших казачью национальную идею, также позаботиться о присылке своих делегатов. Всем членам Центрального Правления и членамъ руководящего политического кадра КН, также предлагаем напречь все силы и прибыть на свой С'езд.

Председатель Цент. Правления **И. Безуглов**

Члены Президиума: Полк. **Др. С. Федоров**, Др. инж. **А. Алейников**, **Г. Еременко**.

Ген. Секр. **С. Балыков**

---

**Д-ръ С. Федоров (ЧСР)**

# Казачья нация

## (Вопрос культуры)

Важным фактором в создании национального единства является вопрос культуры; из него защитники единства русского народа, делают один из основных камней, на который опирают всю постройку своей единой теории.

При рассмотрении казачьего вопроса, с этим важным фактором приходится встречаться на каждом шагу, что вызывает очень много коллизий и опасений на будущее.

Казачья культура не успела развиться на своей родной почве, чтобы стать вровень, скажем, с культурой российской. Под влиянием историко-политических условий ее развитие отдалилось в сравнении с русской культурой, по крайней мере, лет на полтораста; Казачество сейчас переживает те внуренние процессы, которые имело российское общество въ половине XVIII стол. Однако, при этом есть большая разница: в то время, как российская культура насаждалась сверху, казачья шла с низов, от самого люда; имперское правительство старалось постоянно задерживать самобытное развитие казачьей культуры, Казачество для него было нужно только как боевая сила, но, все же, и при этих условиях общий культурный уровень казачества был неизмеримо выше в сравнении с таковым российского крестьянства.

Из описаний путешествия патриарха Макария, по землям Днепровского Казачества, во второй половине XVII стол., мы знаем, на каком высоком уровне было образование казачества и его культурная жизнь, так упавшая со времени присоединения этих земель к Московскому царству. В маленьком Астраханском Войске, в 1893 г. было уже грамотными 63% казаков, но в царствование Николая II уже замечался большой регресс. После революции 1905 года, культурное развитие казачество пошло гигантскими шагами, достигнув своего зенита после развала Российского государства и с возникновением условий, позволяющих казачеству строить свою культурную жизнь самостятельно в своих государственных образованиях. Не приходится отбрасывать то обстоятельство, что развитие, это, конечно, происходило на почве общероссийской культуры, но это в дальнейшем не помешало бы ее своеобразию.

Указания к разрешению этого важного вопроса, в государственной жизни казачества, мы можем черпать у иных государств, там, где мы имеем факты образования государственных наций с двумя различными культурами, как, например, современные Югославия или даже Чехословакия.

Историческая жизнь Казачества, которая до конца татарского периода протекала независимо от культурных влияний Литовской и Московской государств, потом самою судьбою было принуждено причлениться к культуре этих государств. Собственно говоря, едва ли приходится говорить про культурное влияние Москвы, которая до слияния ее с Украиной, сама еще только что начинала делать детские попытки, культурное развитие Москве и Российской державе Петра I-го дали, собственно говоря, украинские ученые духовные. Скорее можно говорить о влиянии западно европейской культуры на землях Запорожского казачества, которое долгое время было культурным проводником в жизни всего Казачества вообще. Происходило это благодаря непрерывным связям Каза-

чества Восточного с Днепровским, колонизации последним восточных Земель во время Руины на Западе, ссылке казачьих „революционеров“ в Сибирь и на Дальний Восток, начиная со времен Алексея Михайловича.

Да и сама организация Донского центра известна нам по типу Запорожскому и попечением „Черкасы“ во главе с потомком княжеско-королевского рода литовского Вишневецким. Да и позднейшую государственную жизнь всего Великого Войска Донского с его колониями на Тереке, Яике, а потом и Великого Войска Кубанского, образовавшегося из Донских эмигрантов, управляла „черкаса“.

Однако катастрофа 1649 года повела к упадку культуры на Украине и Казачьих Землях, перенесла ее въ Москву, а эта уже постаралась стереть старокиевскую образованность и ее речь.

Старорусская литературная речь составлена была из киевского наречия, пишет Салтыков, и только победа Москвы низвела ее на ступень местного говора.

С перенесением украинской культуры на московскую почву и с приобщением московского государства, при помощи дубинки Петра, к культуре европейской, складывалась та обшероссийская культура, под влиянием которой воспитывались отцы и деды казачьей общественности, равно как и мы, их дети. Во всяком случае „приобщение“ казаков к российской культуре едва ли насчитывает полторы сотни лет, наоборот, иследователи казачьих отписок на Москву, единственно сохранившихся актов казачьей дипломатии на Востоке, констатируют неизмеримо высший слог и стиль казачьих посланий, в сравнении с московскими грамотами на Дон. До того же времени казачество жило своей самостоятельной культурной жизнью, которая состоит не только из школ и грамотности, но, главным образом, от внутреннего самовоспитания и проявлений жизни народа.

Да и то, добрую половину столетия влияние российской культуры было только поверхностное, ибо к развитию казачьей самодеятельности в области просвещения, вся политика российского центрального правительства была направлена на поддержание Казачества в полуварварском культурном состоянии.

Недоброй памяти донской наказный атаман кн. Святополк-Мирский одним росчерком пера закрывал гимназии и прогимназии в окружных станицах, а Петербург утверждал это. В этом роде было и у кубанцев, с их войсковыми школами. И не классический ли ответъ питерскихъ вершителей судеб Казачества, на просьбу позволить соорудить дамбу, за собственный же счет: „а на что казакам дамба, пускай ездят на базар на бурдюках, зато, когда прийдет война, им будет каждая речка нипочем“.

Иное дело, конечно, в отношении казачьей интеллигенции; её культурное развитие, во всяком случае, обязано российской школе, но это обстоятельство не должно обязывать ее слепо придерживаться навязанных шаблонов, в особености в послереволюционное время, когда на казачьих землях начало расширяться влияние возрожденной украинской культуры, как, например, среди населения Кубанского Черноморья или иногородних украинцев, во всех Войсках.

При всех обстоятельствах, иногороднее население должно быть оказачено и иметь равные права, как это уже и наблюдается в СССР, так как нет никаких оснований создавать привиллегированное положение для московской культуры. Казачество будущего имеет то большое преимущество, что оно, включая в себя большое количество люда с материнским украинским языком, скорее достигнет культурных успехов на поле обоих культур и, таким образом, может пользоваться двумя источниками, всасывая в себя все наиболее полезное и ценное, одним из них есть — методы борьбы украинского народа за национальное освобождение.

В условияхъ современного общественного развития и международных сношений уже не приходится говорить про какую то одну или свою особую культуру; национальная культура становится теперь скорее понятием относительным, но было бы совершенно ошибочным целиком положиться на эти две культуры и не создавать свою собственную, с ее чисто специфическими казачьими оттенками, присушими только Казачеству, раз основания ее заложены с давних давен в самом казачьем народе. Казачество может еще много и много ценного внести в сокровищницу мировой культуры, когда оно само окрепнетъ и разовьется.

Раз имеем свидетелства про скифскую культуру и ее влияние на окружающие народы, нет никакого сомнения, что на казачьем грунте может возродиться и развиться своя собственная культура, основанная на тех особенностях казачьей души, которые давали Казачеству возможность влиять на окружение в минулом и которыми не владеют массы российского люда.

Казачество смело может говорить про свою особую культуру, пусть и примитивного характера, но это именно она, до анексии Казачества Россией, позволяла расширять казачье влияние на покоренные и соседние народы, бывшие на более низком уровне развития и способствовала тому, что между казаками и инородцами крепла душевная спайка и взаимное понимание, в то время, когда между Казачеством и российским людом лежала и лежит глубокая моральная пропасть.

Тем более это может быть теперь, когда советская революция отбросила культурное развитие народа на много десятилетий назад. Вынувши из тела казачьего народа его душу, (интеллигенцию) и вытеснивши ее в наибольшем количестве заграницу, эта же резолюция приобщила ее к модерной европейской культуре не только ее но и вообще все эмигрантское Казачество.

Вспомним только о прогрессе в России, после того, как во время Наполеоновских войн русская армия побывала заграницей, теперь же не одна сотня казаков и казачек пребывает вне советского „рая“. Казачья молодежь и молодежь казачьих инородцев целиком воспитывается на европейских началах, не будучи отягощена московской „наследственностью“, и она принесет с собою в Родные Края новые методы и пойдет по новым путям.

Руководствоваться традициями российской культуры нет смысла, в СССР она перевернута вверх тормашками и делать из нее святыню нет смысла; в конце концов, ведь, это не была культура общероссийского люда, возникшая из его стихии, а культура господствующих верхов, перемешанная с европейской, а самый люд пребывал и пребывает на уровне европейского средневековья, если не ниже. Держаться же казачьему люду за новую российскую, советскую „культуру", это значит для народа высокой эмоции сознательно погрязнуть в трясине общероссийской косности.

„Россиский люд делал чудеса в своей истории из под палки" пишет Салтыков, „XVIII век открыла дубинка Петра I-го, а эпоха Пушкина и Гоголя это была эпоха николаевских жандармов. Славянофильские идеи способствовали упадку блеска России, а общественность ее была регрессивная сила. Еще и Пушкин констатировал, что в России правительство было всегда впереди народа, оно было европейским правительством азиатской страны".

Пути Казачества и пути российского люда различны, Казачество должно творить свою собственную культуру и грунт для этого имеется в самодеятельности населения и в его стремлении к широкому образованию. И это не есть только качеством казачье-славянского элемента, а и инородческой его части, которую в особенности широко проявляют калмыки, здесь, заграницей, как проявляло его и у себя дома. Бедный казак — калмык, везущий свою двенадцатилетнюю Саранку „на женский гимназическая училища", потому что „девка дюжа вострой, девченка дюжа на наук пошла, необразованная чилавек се равно скатина" — вот есть выявление казачьей будущности, какой же смысл цепляться за культуру нации, про которую еще Чернышевский говорил: „жалкая нация, нация рабов, сверху до низу все рабы".

От своих соседей Казачество должно брать только то, что ему полезно. Благотворные влияния могут быть как от народов дружественных, так и конкурирующих. Нет совершенно оснований бояться слияния Казачества, благодаря культурному влиянию соседа, до степени потери своего национального бытия. Культурное сближение не всегда должно переплавлять различные народы в одном горниле, в одну нацию; примеры этого имеем перед очами—Россия и Украина, Англия и Ирландия. Даже наоборот, действует общее правило, что национальная неприязнь, в наибольшей степени ни выявляется при культурном приближении к „неприятелю;" необходимо хорошенько запомнить военное правило,—чтобы познать противника, необходимо учиться у него.

Было бы очень печально усматривать в соседях только недружелюбные стремления, культурное познание друг друга ведет неизменно к сближению и взаимопониманию, следует вообще стремиться к установлению добрососедских отношений с соседями, которые не угрожают свободе, отбрасывая зоологическую неприязненность, так неприсущую Казачеству.

Незачем искать друзей в отдалении, когда их можно иметь вблизи себя. Культурные отношения, как ничто иное, и создает именно такое добрососедское понимание.

Точно такое и культурное взаимо-оружие иных наций, дает Казачеству наилучшее вооружение, для защиты его стремлений; не отбрасывать чужое, хотя бы и по признаку оправданной предвзятости, а необходимо брать то, что может пригодиться Казачеству в строительстве своей культурной жизни, все то, что есть наилучшее, хотя бы и у враждебно настроенных к нему народов, наций и государств.

Будущее — за Казачеством.

---

**Генерал П. Х. Попов (Амер.)**

# ОСНОВНЫЕ ЗАКОНЫ ВВД.

*Я лежу в госпитале больше полутора месяца. Первая операция была 3-го февраля, вторая на днях. Под рукою у меня нет никаких материалов. Поэтому, хотя я и скажу мою точку зрения на Донские Основные Законы вполне определенно, все-же я прошу редакцию журнала „Казакия" составить коротенькую хронологическую схему событий, имевших связь с Доном, от начала „бескровной" революции на Руси до прибытия донцов на чужбину. Эта схема иллюстрирует мой вывод и наглядно покажет, что Донские Основные Законы не есть чей-либо каприз, не случайное явление в жизни Дона, но логический, естественный ход процесса, который требует серьезного, вдумчивого отношения к себе.*

*Война никогда не была предметом мышления даже отдельных мечтателей на Дону, а потому Дон не вел войны с Россией. И когда развалившаяся русская армия, в результате приказа № 1, бросила фронт, казачьи части остались на границе России против немецких сил.*

*А в это време на мирное население Дона беспричинно и бессмысленно, по глупому доносу не заслуживающих никакого доверия лиц, обрушилось с безумною злобою сначала Вр. Правительство России с Керенским во главе, мобилизировав против Дона два военных округа, а потом эту работу продолжили озверелые банды большевиков Ленина и Троцкого.*

*Три года мирное, трудолюдивое, в высокой степени лойальное население Дона, чуждое рабских цепей, выдержало сатанинский натиск насильников и дезертиров. Дружно встали немощные, старики и учащаяся молодежь на защиту своих родных очагов. Не имея оружия, ни боевых припасов, ни какого-либо снаряжения, с вилами и топорами в руках, они, истекая кровью, прикрывали своею грудью родной Дон.*

*И чем больше был напор на Дон, чем беспощаднее „свободные граждане" России разоряли и выжигали мирные донские станицы и хутора, чем сильнее проявляли они зверства и насилия, тем сопротивление Дона было упорнее. А ПОТОМУ ВСЕ ЯРЧЕ И ЯРЧЕ ВЫРИСОВЫВАЛОСЬ ИСТИННОЕ ОТНОШЕНИЕ РОССИИ К КАЗАКАМ, И САМОЮ ЖИЗНЬЮ ДИКТОВАЛИСЬ НЕИЗБЕЖНЫЕ ВЫВОДЫ . . .*

*И за эти три года борьбы две трети лучших сынов Дона сложили свои головы на широких просторах его за честь, за достоинство, за казачью волю.*

*А страшные, не передаваемые словами, но и не забываемые жертвы, какие Россия взяла от Дона потом для Соловецких и других концентрационных лагерей, для Сибирской тайги, для Беломорского канала и пр. никогда не дадут уснуть нашей совести.*

*Кровь наша, наших отцов, братьев и сынов заливала потоками родную землю. Она обильно оросила далекие и чуждые нам окраины России. Она повелительно и неуклонно взывает к нам, оставшимся в живых! . . .*

*ОСНОВНЫЕ ЗАКОНЫ ВСЕВЕЛИКОГО ВОИСКА ДОНСКОГО НАПИСАНЫ ЭТОЮ КРОВЬЮ. В них ясно выраженно вылилась воля Донского народа, воля нерушимая — завет Дона. Они — наша клятва родному Дону — спасти его от насильников.*

*Так разве мы можем нарушать нашу клятву, разве мы дерзнем на Основные Законы, в которых покоится единственный залог не только возрождения Дона, но и нашего спасения?!*

*Я умышленно не говорю о формальных и юридических обоснованиях — они неоспоримы: И так, я заканчиваю мою мысль о Донских Основных Законах кратко:*

*ДОНСКИЕ ОСНОВНЫЕ ЗАКОНЫ — ЭТО НАША СВЯТЫНЯ.*

*Эту святыню мы должны не только сберечь, но ненарушимою и не запятнанною принести на родной Дон. Обстановка нашей борьбы не изменилась. Дон задыхается в рабских цепях. Мы ему не изменим.*

---

ОТ РЕДАКЦИИ: В виду позднего получения статьи П. Х. Попова, редакция, к сожалению, не имеет возможности сопроводить его статью просимой хронологической статьей. К тому-же лицо, которому редакция поручила выполнить эту работу, по вольноказачьим делам выезжает для об'езда некоторых государств Европы. Но надеемся, что статья глубокоуважаемого автора, которая верно и глубоко охватила основную причину, заставившую Дон об'явить свою госуд. независимость, будет убедительна и для этой хронологии. Хронологическая статья будет дана в следующем номере. Редакция приносит свою искреннюю благодарность глубокоуважаемому Петру Харитоновичу за его ясное и точное изложение своего мнения по вопросу об Основных Законах Дона. Редакция „Казакия" обратилась к Петру Харитоновичу потому, что некоторые из запрашивавших нас казаков интересовались мнением именно его. Нам особенно радостно то явление, что в наше смутное время, когда одни сознательно коверкают казачье прошлое, а другие трусливо прячутся, в своем „чулане", ставя свечку всем богам, б. Походный Атаман, ген. П. Х. Попов, в далекой Америке тяжким трудом добывающий себе кусок хлеба, так живо интересуется вопросами казачьей судьбы и так четко высказался по очень важному вопросу. К нашей радости, взгляд его совпадает с нашим. Желаем глубокоуважаемому Петру Харитоновичу скорого выздоровления.

---

**„Национальная мысль есть не только сознание о единстве крови и языка между отдельными индивидуумами народа но и стремлением послужить интересам и делу прогресса его".**

**(ПЕКАРЯ).**

**Ш. Н. Балинов (Франция)**

# К СТАТЬЕ ГЕН. П. Х. ПОПОВА

Мысль, что Основные Законы ВВД, трудно применимые на чужбине, будто бы, находятся под угрозой искажения или даже „отмены" не на шутку взволновала многих донских казаков. Поэтому они пожелали выслушать мнение наиболее авторитетных казаков. Невольно раздались голоса: „А что думает наш былой Походный Атаман П. Х. Попов"?... Донцы словно вспомнили, что твердый по духу и прямолинейный матерой казак Попов, однажды уже спасший честь Дона не на один день не покорившись Красной власти, должен опять поднять свой голос. И они не обманулись: Генерал Попов, много лет скромно молчавший, вдали от эмигрантских дрязг, честным и тяжелым трудом зарабатывающий свой хлеб, в нужную минуту подал казакам свой голос. И голос этот полон истины и достоинства. К нему нельзя не прислушаться.

Мне было приказано Президиумом ЦП спешно составить краткую хронологическую статью о событиях на Дону после революции и до выхода нас в эмиграцию. К сожалению, я не мог выполнить это приказание к сроку в связи с моим выездом и хлопотами. Надеюсь это задание выполнить к следующему номеру, если Президиуму ЦП будет угодно повторить свое распоряжение. В данном случае хочу послать хоть пару слов к статье ген. Петра Харитоновича Попова, который из больничной койки, между двумя операциями, нашел возможность ответить на запрос редакции.

Общие причины, вынудившие вообще Казачество вступить в борьбу против севернаго нашествия, весь ход этой долгой титанической борьбы достаточно выпукло, вот уже три года из номера в номер, излагается в анонимном труде „Трагедия Казачества", печатающемся в журнале „Вольное Казачество", а также вообще в литературе казаков-националистов.

Но коренная причина казачьей борьбы, глубокая основа Донской Конституци в нескольких словах, просто, понятно и ярко выражены П. Х. Поповым в вышенапечатанной статье.

Да, — в начале русской революции казачьи воинские части почти одни прикрывали русский фронт, считая невозможным так просто бросить фронт и разбрестись по домам, как это сделали русские части. В этом оказалась одна основная черта казачьего народного характера — сознание ответственности, природная коллективная дисциплинированность.

Да, — Атаман Каледин на Московском совещании огласил свою нашумевшую декларацию от имени всех казачьих войск, где он не отделял Казачество от России, на что так напирают сейчас наши противники.

Но также надо помнить, как в те же дни относились русские, сама Россия к казакам. В то время, когда только одни казачьи части защищали внешний фронт, русские „свободные граждане" ринулись на мирное население Дона разрушать и грабить, как бы в подтверждение лозунга министра Чернова: „Казакам надо потесниться!". Через несколько дней после патриотической декларации Каледина, Керенский мобилизовал против Дона два военных округа и первого Донского выборного Атамана грубо потребовал к себе для предания суду, на что получил ответ; „С Дону выдачи нет".

И Донской Круг, в полном согласии с Калединым, в самом начале выявления русскими, своего подлинного отношения к казакам, принял основные Законы Дона, правда, с оговоркой „впредь до"... Но напор России на мирный Дон, неслыханные насилия и кровавые зверства русских „свободных граждан" при явном потакании российской официальной власти воочию показал и донцам подлинное отношение русских к казакам, и Дон, уже без всяких оговорок, принял свои Основные Законы и об'явил свою государственную независимость.

И пусть наши противники противники казачьего освобождения) не прикрываются именем А. М. Каледина и его декларацией. Эту декларацию, через месяц, как только он понял подлинное отношение России к казакам, полуанулировал, приняв Донские Основные Законы с оговоркой „впредь до".

Нет абсолютно никакого сомнения, что, будь только жив, и до конца познай низменную суть русского „богоносца", их чисто звериное отношение к казакам, он непременно выбросил бы свою оговорку и ныне стоял бы рядом с нами националистами, для полной защиты государственной независимости Дона.

Для А. М. Каледина Дон был его вторым — „Я". Недаром он в торжественную и ответственную минуту заявил: „Себе не изменю, станичник". Мы глубоко уверены, что Дону он не изменил бы.

Сознание долга, сознание права для таких людей, как Каледин, Назаров, Попов бывает выше всяких соображений, выше даже жизни ...

---

**„Политическое искусство есть искусство управлять; управлять значит каждого поставить на такое место, на котором он может принести наибольшую пользу обществу".**

Полк. А. И. Бояринов (Фран.)

# О Казачьем аграрном вопросе

Если Казачество заграницей уделило достаточно много времени по изучению своего исторического прошлого и сделало в этом отношении ощутительные успехи, нельзя того же сказать про другие области самопознания. Вопросы казачьего быта, общественных и экономических отношений и пр., а в особенности, область землепользовния и земледелия (аграрный вопрос) остаются почти не затронутыми; меньше всех затронут последний вопрос.

Конечно, знание своей истории — задача первостепенной важности, ибо сегодняшний исторический день есть логическое следствие вчерашнего, как завтрашний обусловливается сегодняшним, но ограничиваться одной историей мы не можем, не имеем права. Свой казачий вопрос мы должны изучить во всех проявлениях жизни и деятельности народа, чтобы явившись на Родину, быть подготовленными к той огромной работе по возрождению Родных Краев, по строительству их новой жизни, которая нас там ожидает.

Нельзя думать, что все совершится по щучьему велению, что достаточно свергнуть советскую власть, призвать к жизни наши — до большевицкие законы и учреждения — и жизнь поедет как по маслу. За 20 пореволюционных лет во всех проявлениях деятельности Казачества там на Родине, как и в психике его, и в общественных и даже семейных отношениях произошли несомненно значительные изменения, с которыми, при налаживании новой жизни, нельзя будет не считаться. Кроме того, и в дореволюционное время у нас существовало много и во всех областях жизни — коренных недостатков. Их надо знать, чтобы, при построении нового здания, не пользоваться гнилым материалом и не ослаблять солидности нашего будущего дома.

Все мы знаем, что основой казачьей хозяйственной деятельности являлось, есть и еще очень долго будет — земледелие. Оно властно влияло на казачий быт, на общественные взаимоотношения, на казачью психику — словом, сельское хозяйство определяло в преимущественной степени весь уклад нашей жизни во всем многообразии ее проявлений. И посему изучение аграрного вопроса для казаков заграницей представляется задачей первой и неотложной необходимости.

Выдвигая ныне аграрный казачий вопрос на страницы нашей печати, я далек от мысли в краткой журнальной заметке рассмотреть его со всеми подробностями, как он того заслуживает. Кроме недостатка места, я не имею и нужного цифрового материала. Цель настоящей заметки — привлечь к этому первостепенной важности вопросу внимание широких кругов Казачества, в надежде, что мы его „миром-собором“ обсудим на страницах печати со всех сторон, составим по этому предмету ясное и отчетливое представление, выработаем даже программу земельных реформ, чтобы таким образом, придя на Родину, мы прекрасно знали, что и как в этом основном вопросе нам делать. Не надо забывать, что если заграницей мы можем позволить себе роскошь свободного изучения любого политического, хозяйственного, религиозного и всякого другого вопроса и свободного по ним обмена мнений, то там, на нашей Родине, и человеческая мысль и деятельность находятся в плену советской власти, в цепях казенных истин, штампованной морали и всяких большевицких канонов. При такой разнице в условиях существования „тамошних“ казаков и заграничных, естественно, что последние, при желании, в будущем строительстве Казачьей жизни могут и должны сыграть роль руководящего элемента Необходимо только употребить все усилия, использовать все возможности для подготовки себя к этой будущей роли.

Землепользование и земледелие во всех Казачьих Войсках основываются на одинаковых принципах, с очень малыми отклонениями, и по этому, говоря об аграрном вопросе на Дону, мы тем самым будем характеризовать его и вообще, как он обстоит в Казачестве в целом.

Территория Дона занимает площадь в 144.109 кв. верст или 15.061.500 десятин; при чем в пользовании станиц находилось 9.469.000 десятин, войсковой земли — 2.142.000 десятин; донским помещикам принадлежало 2.318,000 десятин и крестьянам — 1.122.000. В старину вся эта земля принадлежала донским казакам, но впоследствии, с уничтожением (Петром Великим) Войскового Круга, а вследствие этого и всякого контроля над местной казачьей властью, войсковою старшиною началось расхищение казачьих земель. И, таким образом, лучшие земли в Таганрогском, Ростовском, Донецком и др. округах были захвачены помещиками, а затем постепенно перешли в руки крестьян. Кроме того, фактически были из казачьего владения из'яты и 2.142.000 десятин так называемой „войсковой земли“, отдававшейся в аренду за ничтожную плату конно-заводчикам, обслуживавшим общегосударственные интересы. Таким образом, всего у донских казаков было отобрано 5.700.000 десятин. т. е. больше одной трети всего количества донской земли.*)

Итак, из общего числа 15 миллионов десятин Донской земли, 9 мил. были разделены между 135-ю станицами, находились в их временном пользовании, составляя, так называемые, станичные юрты и оставаясь собственностью всего Донского войска. Когда то по положению 1835 года, станицам отводилиоь юрты по расчету 80—96 десятин

---

*) Весь Юго-Восточный Край Европы, включающий Донскую, Кубанскую, Терскую и Астраханскую области и губернии Черноморскую и Ставропольскую, охватывает площадь в 632.694 кв. километров, превосходя своими размерами Францию (без колоний) на 197.547 километров. Население этого Края, по данным на 1-е января 1915 года, исчислялось в 11.962.300 человек, при чем на долю сельского населения приходилось 88,7% и остальное падало на города.

на пай, но впоследствии эта цыфра, по причине прироста населения, понизилась в три и четыре раза.

Из юртового земельного довольствия каждый казак, по достижении семнадцатилетнего возраста, получал пай, не одинаковой по размерам не только по сравнению с другими станицами, но различной величины и в пределах своего юрта, в зависимости не только от качеств земли, но и других условий (удаленность от места жительства, водопой, пути сообщения и пр.). Вдовы и старые девицы имели право на половину пая. Надел вдовы увеличивался в завивимости от количества детей.

До восьмидесятых годов прошлого столетия почти все станичные юрты оставались неразделенными между станичниками. Каждый занимал себе пашню, где хотел, лишь бы была свободная земля, количество десетин не мерилось, а определялось хозяйственной мощью данной семьи. В те времена центр хозяйственных интересов лежал в скотоводстве, оно считалось наиболее выгодным промыслом, а земледелием, вследствие низких цен на хлеб и дурных средств сообщения, занимались постольку поскольку, главным образом, это считалось необходимым для нужды своей семьи. Естественно, что, при этих условиях, земли обрабатывались на выбор, т. е. самые лучшие, оставляя остальные для покоса и для пастбища. Система земледелия практиковалась переложная, т. е. вспаханное раз и использованное под посев пшеницы, а затем и ржи, поле оставлялось на отдых и только после промежутка в несколько лет вновь подвергалось распашке и эксплоатации. Такой порядок, и при отсутствии более высокой земледельческой техники, давал богатые урожаи, о которых впоследствии, в нынешнем веке, сохранились только легенды. Нужно, впрочем отметить, что при обилии скота в прежнее время, а следовательно, при большой тягловой силе, вспашка производилась, хотя и самодельными деревянными плугами, но настолько глубоко, что о ней тоже впоследствии сохранились только воспоминания. На полях в те времена накапливалось огромное количество сена исключительно высокого сорта, о чем в двадцатом веке тоже принуждены были забыть.

В восьмидесятых годах прошлого столетия начинается массовый раздел юртов на паи и к девятисотым годам едва ли оставались станицы, где этой операции не было бы произведено. Любопытное явление. Старики к этому разделу отнеслись крайне отрицательно. Многие на сборах плакали, говоря, что „пришел конец Казачеству". Им казалось, что исчезают те начала круговой выручки, взаимной поддержки, того братства, которые в былое время лежали в основе казачьих общественных отношений. Не надо забывать, что еще в первой половине прошлого столетия казаки-станичники выезжали на поля большими группами, останавливались общими таборами, строили из телег „вагенбурги", питались сообща, с'едая провизии сначала одного воза, а затем другого и т. д. по очереди. Утром из табора раз'езжались, каждый на свое поле, на ночлег возвращались обратно.

Но наличие уменьшения паевых наделовъ и стеснения скотоводства, а также повышение цен на хлеб, делали необходимым перенесение хозяйственодо центра от скотоводства на земледелие, что, в свою очередь, обусловливало дележ земли на паи.

Раздел производился на 5-6-10 лет, а затем приступали к новому переделу. Обыкновенно треть или четверть юрта отводилась под попас скота. Попасы эти вырезались из земли, прилегающей к хуторам и станицам; этого требовало удобство пользо ания ими.

С девяностых годов земледелие на Дону начало развиваться с чрезвычайной быстротой. Стали распахивать всю землю, не давали ей ни отдыха, не возвращая, путем удобрения, тех элементов, которые предыдушим урожаем были из нее из'яты. При чем, вследствие уменьшения количества скота, а также участившихся семейных разделов, понижавших хозяйственную силу казаков, казачьи хозяйства стали слабеть, что чрезвычайно понизило качество обработки земли, а появление букарей, дававших возможность малым тяглом „царапать" землю, еще более понизило качество распашки. Пахали мелко и ежегодно один и тот же мелкий слой, не захватывая более глубоких частей чернозема. Естествено, что земля быстро истощалась, урожаи сильно понижались и не вознаграждали, как следует, труд земледельца. Периодически стали повторяться недороды и полные неурожаи. 20 пудов хлеба с десятины почитался уже, слава Богу, не плохим урожаем, а в 1909 году, когда десятина дала дятьдесят пудов пшеницы, и до 70 пудов гирки, считался небывалым, исключительным по урожаю. В некоторых округах, как 2-й Донской и северная часть 1-го, на десятину сеялось 2 с полов. пуда зерна и не более трех, ибо земля больше поднять не могла. В то же время в Таганрогском округе и на Кубани десятина в силах была поднять 6-8 пудов семян.

В старину и долина Дона, и степные балки изобиловали лесами, в которых до самой поздней весны сохралялся снег, всегда держалась влага, что в свою очередь, увеличивало количество атмосферных осадков, оказываюших решающее влияние на урожаи хлебов и трав. Бурьяны и травы, выростающие на залежах и целине, также способствовали задержке и охранению от быстрого таяния снегов. С течением времени леса, эти естественные резервуары влаги, исчезли, а так как наша степь не равнина, а имеет волнообразный характер, с гребнями и долинами вперемежку, то во время таяния снегов или во время дождей вода стремительно стекая в балки, уноситъ с собою разрыхленный ежегодными вспашками и не сдерживаемый растительностью верхний, плодородный слой земли, систематически понижая ее производительную силу. Кроме того, весенние, летние и осенние потоки воды все больше и больше образуют новые овраги, углубляют и расширяют старые, т. е. производят естественный дренаж. Подпочвенные воды, вследствие этого уходят все глубже и глубже — и засуха, бич наших степей, принимает с каждым годом все более и более угрожающий характер.

Вследствие дурной обработки, истощения почвы и других вышеуказанных условий, сорные травы постепенно отвоевывают у земледелца значитель-

ные пространства земли, делая их совершенно негодными в хозяйственном отношении. Овсюг, „сизик“ или „сивар“, абсолютно негодные в пищу скоту сильно истощающие почву и, вследствие глубокого залегания их корней, представляющие огромные трудности в деле борьбы с ними, — эти травы уже выбили из хозяйственного оборота очень большие пространства земли.

Наряду с указанным явлением, имеется и другой бич. Это пески, особенно распространяющиеся в долине Дона. Сотни тысяч десятин некогда чудесной, плодородной земли, ныне уже ими заняты, а процесс их распространения идет вперед, прогрессивно увеличивая это бедствие. Когда то в этих местах росли непроходимые леса березы, осины, груш, яблонь, караича и всяких кустарников, как калина, терновник и пр.. По лесам разбросано было много озер, болот с камышами кугою, (плавни), на безлесных просторах зеленели великолепнейшие луга; тут же (на правой стороне Дона) наши предки, около своих городков, сеяли хлеба. Места эти сохранили название „старые пашни“.

Потом леса уничтожились, и ничемъ не сдерживаемый песок начал быстро завоевывать огромнейшие пространства, засыпая богатейшие луга, пашни, сады, выгоняя вон некогда цветущие хутора и станицы, и засыпая р. Дон и мелкие речки и озера.

Земледелец больше, чем кто либо рутинер и консерватор; он крепче других держится за дедовские обычаи и предрассудки и на этой почве наблюдается одно чрезвычайно характерное и хозяйственно вредное явление,

В старину, когда основой хозяйства служило скотоводство и когда земли было достаточно, каждому поселению, и станицам и хуторам, отводились из окрестных земель попасы скота. Разумеется, никто их тогда не мерил, а определялись они на глазок. Спокон веков этих попасов не касался плуг, это была вечная целина. С наступлением недостатка в земле и с проведением в жизнь разделов земли на паи, обычай отвода попасов сохранился до самого пришествия большевиков. Из юртов вырезывалось для этих попасов около $^1/_4 - ^1/_5$ земли, до последнего момента представлявший из ссбя вековечную целину. Попасы эти носили характерное название — „толока“. И действительно, здесь целый год. (кроме зимы) толокся всякий скот—от овец до лошадей. С'едалось и вытолакивалось все — до корней. Поэтому весною здесь появлялась чрезвычайно чахлая растительность — щетка, метелка, при первых сухих ветрах быстро высыхавшие, и несчастный полынь, горький, как корм почти непригодный. Какое питание мог найти скот на этих попасах? Самое убогое. И это чрезвычайно губительно отражалось на скотоводстве. Полуголодные животные, понижались в качестве, и наш скот, высокой ценности и в мясном и рабочем отношениях, быстро вырождался.

Эти попасы не только не достигали целей им поставленных — питать скот, но они были крайне вредны в земледельческом отношении. В то время, как пашенные земли засевались каждый год, без отдыха и будучи истощены, переставали давать урожаи, значительное количество целины, жирной нетронутой земли, гуляло без всякой пользы, из'ятое из хозяйственного оборота.

Казалось бы так просто: введите эту землю в оборот и вы получите отличный на ней урожай. Нужны попасы — выделите их из земли, уже отслужившей свою службу. Таким образом, вы ей дадите отдых, а так как на пахотной земле естественно больше выростет травы, то вы получите и попас, наиболее оправдывающий свое назначение.

К сожалению, наша косность мешала проведению в жизнь подобной системы.

Общинская система землепользования и наличие частых переделов не давали возможность казаку вести хозяйство на более или менее рациональных началах. Зная, что его пай дан на 5-6 лет, что неизвестно, где этот пай ему достанется при будущем дележе, казак относился к своей пашне хищнически — старался выжать из нее все, что она может дать. Он не только не мог позаботиться о сохранении ее сил, о возврате ей того, что у нее взято, он не мог вырыть колодца, ибо это требовало значительных затрат, а уходя на другое поле, после следующего дележа, он должен был бросить этот колодезь безвозмездно, так как будущий хозяин затрат первому не возвратит, зная, что этого колодца не унесет. Казак не мог построить сносного жилья на своем поле и ютился не только летом, но и в ранне-весенние и поздне-осенние холода под телегой. Не имея возможности прочно обосноваться на своей временной пашне, казаки принуждены были из мест своего постоянного жительства ездить на поля за 15—20 верст. Можно представить, сколько это доставляло неудобств в смысле питания, сколько сил и времени затрачивалось зря на перевозку зерна с поля до дому, на доставку фуража, сплошь и рядом на долгие ожидания очередей при переправе на паромах через Дон. Если бы эти затраты времени и сили перевести на деньги, получилась бы цифра колоссальная.

И так, при наличии нашей общинной системы землевладения и землепользования, Дон, (как и все малоземельные войска) шел неуклонно к хозяйственному упадку. На Дону, например, вероятно, в недалеком будущем, значительная площадь земель просто бы отказалась от своей сельскохозяйственной службы и некогда цветущим полям на смену неуклонно надвигалась бесплодная пустыня.

Естественно возникал еще на Родине вопрос, не может не возникать он у сознательных казаков и здесь, за границей, — что же дальше, какой выход из положения?

Попробуем обрисовать, хотя бы схематически, другую систему землевладения.

Представим себе, что юрт станицы разделен на паи в вечное и потомственное владение. Каждый хозяин несомненно бы переехал на житье на свой участок, скорее всего несколько десятков семейств, соседей по землевладению, выберут (обыкновенно это делается при балке) место для общего поселения в виде хутора, общественно необходимыми учреждениями, со школой и проч. Земля у них

под рукою, она их собственность. Несомненно, что каждый хозяин будет о ней заботиться так же, как о своем саде или огороде, он будет не только брать от земли, но и ее питать, как питает корову, чтобы получить молока побольше. Все овраги, все балки будут засажены деревьями. Это предохранит почву от дальнейшего ее дренажа водяными потоками, увеличит в балках количество влаги, вызовет к жизни заросли осоки, камыша и пр., весною задержит таяние снегов обыкновенно в огромных массах набитых в балках и оврагах. Каждый хозяин, разумеется, разведет сады. Увеличение лесных насаждений не может не воздействовать на увеличение и влажности атмосферы. Сами лесные насаждения дадут необходимый построечный и поделочный хозяйственный материал. Для задержки на полях снега, обыкновенно уносимого ветрами куда то в Азовское и Черное моря, словом в беспредельные пространства, тоже могут быть предприняты разные рекомендуемые и проверенные способы — их много, но мы укажем на один из них, по нашему мненчю, самый рациональный и солидный.

В конце девяностых годов прошлого столетия один крупный помещик Харьковской губернии, сходной по физическим условиям с Донским Краем, человек научно к сельскому хозяйству подготовленный, вдумчивый и опытный, в течение ряда лет испытал много патентованных способов для поднятия производительности своего имения. Достижению желательных результатов, однако, мешала засуха, т. е. тот же бич, который губит и наши поля.

Тогда этот помещик (фамилию я его забыл, он свои опыты и наблюдения, между прочим, изложил в специальном солидном труде) разделил свое имение на ряд небольших квадратов и эти квадраты обсадил в несколько рядов (2-3 ряда) деревьями разного сорта. И получились наилучшие результаты. Снег с его полей ветер не уносил и таким образом, образуя глубокие сугробы, этот снег являлся резервуаром влаги которая на долгое время предохраняла поля от засухи. Кроме того, те же лесные насаждения служили защитой для посевов против жгучих ветров и, конечно, давали обильный лесной материал и для топлива, и для других хозяйственных нужд.

Пишущему эти строки такую же систему защиты полей пришлось наблюдать в Манджурии. Когда я в первый раз ехал в поезде по этой стране, из окон вагона мне она казалась покрытой сплошными лесами. На самом же деле, манджурцы использовали ту же систему древесных насаждений, что и упомянутый харьковский помещик, т. е., впрочем, наоборот — последний использовал манджурскую систему, существующую испокон веков. Там, в Манджурии, тоже есть чрезвычайно губительный, жгучий ветер, подобно нашему восточному, но дующий с запада, из пустыни Гоби или Шамо.

Так или иначе, но такое ведение сельского хозяйства, какое практиковалось у нас прежде, продолжаться не может, ибо грозит хозяйственной гибелью Казачеству. Следовательно, придется искать новых путей, и я думаю, что рациональное разрешение этого вопроса возможно только в плоскости подворного владения землей, фермерской системы хозяйства, всюду, в культурных странах, практикуемой.

На Дону иногда, в противовес подворному хозяйству, выдвигались соображения, вытекавшие из нашей системы отбывания воинской повинности. Но мы полагаем, что о возрождении этой системы со справой на свой счет, за который порукой общество, и речи быть не может, так что при решении казаьего аграрноto вопроса, эту данную со счетов надо сбросить.

Мы в общих чертах затронули главную отрасль сельскохосяйственного промысла — полеводство и скотоводство, но имеется много и других отраслей этого промысла: садоводство вообще, виноградарство, огородничество и др., для которых условия физические на Дону в высокой степени благоприятны и которые дадут максимум доходности тоже только при условиях собственности на земельные участки, т. е. при фермерской системе хозяйства.

Повторяем, что аграрный вопрос есть основной, самый важный, самый существенный из всех прочих элементов и что от разумного его разрешения зависит экономическая судьба наших Краев, а экономика, все знают, есть главное в жизни народов, а посему, повторяю, обсудить и изучить этот вопрос крайне необходимо, ибо в первые же дни, по возвращении на Родину, он властно потребует немедленного его разрешения.

P. S. Многих деталей, по недостатку места, я не затрагиваю. Из них одна из существенных, противопоставляемых идее фермерской системы хозяйства — это скопление, путем скупки паев, большого количества земли в одних руках, уход ее даже в неказачьи руки, неимение для наделения паями малолетков. Конечно, новая система землевладения должна подвергнуться всестороннему изучению, почему этот вопрос и выдвигаю на очередь. Что касается продажи земли ее владельцами, то таковое право может быть законом ограничено. Например, продажа может быть произведена только станичному обществу по существующей оценке, иногородними покупка земли казачьей может быть воспрещена и т. д. и т. д. Для наделения малолетков может быть образован фонд из выморочных паев и из купленных у тех, кто не желает заниматься земледельческим трудом. Все это, по сравнению с основным принципом землевладения, не так важно и может быть в законодательном порядке легко урегулировано.

А. Б.

**„Национальная мысль является единственной связью между прошлым и настоящим и вообще между отдельными поколениями народа". (Пекарж)**

Полк. М. Д. Ильинъ. (Фр.)

# Из Азовской эпопеи*)

18 июня 1637 г. Донские Казаки, при помощи Запорожцев, после шестимесячной осады, штурмом взяли город Азов, в то время принадлежавший Турции. Но казаки не только взяли азовскую крепость, а еще и казнили турецкого посла к московскому царю — грека Фому Кантакузена.

Будучи задержанным казаками до окончания военных действий, Кантакузен, находясь всего лишь под слабым надзором, решил воспользоваться этой свободой и послал одного из своих секретарей тайно к Крымскому Хану, вассалу турецкого султана, с извещением о положении казаков под Азовом.

Казаки перехватили этого посланца, предали Кантакузена суду за шпионаж, присудили к смертной казни и казнили.

Действия казаков произвели на всю тогдашнюю Европу ошеломляющее впечатление. Европа была поражена не потому, что казаки в ней были не известны, — она их отлично знала, — а потому, что она в течении нескольких столетий привыкала и привыкла видеть, как турки сотнями тысяч европейских рыцарей рубили головы.

И вдруг, небольшой казачий народ, правда храбрый, не только после шестимесячной осады взял турецкую крепость, но вдобавок еще и казнил турецкого посла к московскому царю.

Было от чего заволноваться!

Чтобы отнять у казаков Азов обратно, Турция должна была послать против них значительные силы, однакво, она ими не располагала, так как вела войну против Персии.

Считая, что казаки действовали в союзе с Москвой, турки потребовали, чтобы она вывела казаков из Азова.

Москва в то время боялась Турции, как огня и поэтому сообщила султану, что она не имеет к Донским Казакам никакого отношения, а от казаков все же потребовала, чтобы они покинули Азов, а ей доставили бы грамоту султана, которую вез царю Фома Кантакузен.

На это требование Москвы казаки в своей „отписке“ дали такой ответ:

1. Если мы тебе (царю) и служили, то не за вотчины и поместья а за веру христианскую.

2. Азов у турок отняли за то, что они чинили христианскому миру всякие пакости.

3. В Азове отбили твоих же людей тысячи с две. Для одних на свои деньги наняли будары и отправили по домам, а другие сидят вместе с нами и вместе голодаем.

4. Турецкого посла убили до смерти за измену.

5. А твоего (царского) посла, Ивана Беличева, крымский хан убил со всеми людьми „за никакую вину“.

6. Грамоту султан-муратова величества вернуть не можем, потому что утеряли, а может быть Фома Катнакузен и сам её уронил.

7. Подорванную (во время осады) стену на свои деньги наняли греков и починили (по летописи).

8. Пушек у нас 200 больших, средних и малых и 94 старых, но пороху нет и стрелять по врагам христианского мира нечем.

9. Станицу (Посольство) нашу просим не задерживать, а выслушать и немедленно отпустить.

10. Отписка посылается 3 декабря 1637 года со станицей во главе с атаманом Антоном Устиновым.

Дав такое об'яснение Москве по всем волновавшим ее вопросам, Донские казаки перенесли все управление Войском в Азов и превратили ее в свою столицу.

Но 24 июля 1642 г., т. е. чрез пять лет, под стенами Азова появилась огромная (250 тысяч) турецкая армия. Армия эта имела 674 полевых и 120 осадных орудий и 32 мортиры, которые по казачьей терминологии назывались „верхними“.

Вся эта артиллерия была богато снабжена снарядами в виде гранат.

Силы казаков были таковы: 5000 человек казаков, 800 казачек и 294 орудия. Орудия заряжались не снарядами, а „пуками“ стрел.

В тот же день турки предложили казакам сдать им Азов на следующих условиях:

I. Казаки могут забрать все свое имущество и покинуть город в течении 24-х часов.

2. Им гарантируется полная неприкосновенность.

3. Если казакам угодно, то они могут поступить на службу в турецкую армию. Султанъ любит храбрых людей и прощает казакам их вину за взятие Азова.

4. Наша армия непобедима, а вам Москва не поможет ни порохом, ни людьми.

На это предложение турецкого главнокомандующего казаки дали такой ответ.

I. Мы знаем, что вас много, а нас мало.

2. Мы знаем, что Москва нам не поможет ни порохом, ни людьми.

3. Мы знаем, что ваш султан считает себя выше всех „земских“ царей и даже за Бога на земле и хотел бы, чтобы мы пошли к нему на службу.

Но мы Божьи и вольные люди и будем с вами драться за веру христианскую, за церкви божия, православные. Если вы нас победите, то нам не будет стыдно, а если не победите, то вашему же султану будет стыдно перед его братьями и друзьями. Мы видели, как вы сидели в Азове, а теперь хотим поглядеть, как вы будете к нему приступать.

После такого ответа Донских Казаков, туркам ничего не оставалось, как только приступить к осаде Азова.

---

*) Настоящий краткий очерк является частью обширного доклада, прочитанного полковником М. Д. Ильиным в Париже 16 XI-1933. Мы надеемся, что полк. Ильин не замедлит опубликовать в печати и другие свои весьма ценные труды по Казачьим вопросам.

*Редакция*

Так 24 июля 1642 года началась титаническая борьба пяти тысяч казаков и восьмисот казачек при 294 орудиях против двухсот пятидесяти тысяч турок, при 826 орудиях.

Это поистине героическая борьба велась в течении девяти недель, и в продолжение этих девяти недель вся политическая и военная Европа того времени следила за нею с неослабным вниманием.

26 сентября на рассвете казаки приготовились к последней, решительной вылазке. Однако, когда рассвелось, то турок под стенами Азова не оказалось.

Захваченные „языки" показали, что турецкая армия потеряла под Азовом 90 тысяч человек и отступила. Казаки же за эти девять недель потеряли 3000 человек убитыми, а оставшиеся 2000 в живых все были перераненны.

Так триста лет тому назад дрались казаки за право, правду, свободу и веру.

Теперь же эта никогда непревзойденная ни одним народом в мире героическая оборона Азова Донскими Казаками еле-еле отмечена историей странным и печальным названием „Азовского сидения".

Забыто также и то, с каким достоинством 300 лет тому назад, когда весь мир находился под властью не только абсолютной, но и деспотичной монархии, небольшой, но свободный казачий народ разговаривал с московскими царями и турецкими султанами.

... Все позабыто. Однако, жив геррический дух азовских бойцов за свободу.

Март 1937 г.

**Инж. В. Г. Глазков. (ЧСР).**

## I.

# РАЗОЧАРОВАННЫЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

В последнее время появилась целая серия разочарованных путешественников, раньше с особым усердием восхвалявших на основании большевицких пропагандных сведений советский „рай". Эти знаменитые путешественники идеализировали советскую действительность, СССР. ставили выше передовых стран и всеми мерами и средствами поносили тех, кто советскую действительность представлял в ее подлинной наготе,

Летом прошлого года в СССР. отправился один из энергичных сторонников большевиков французский писатель Андре Жид, „один из лучших, по заявлению „Правды", представителей передовой Европы".

Пробыв там пять месяцев и столкнувшись вплотную с советской жизнью и советскими условиями, он выпустил книгу: „Возвращение из СССР", после которой та-же „Правда" от 3 и 30 декабря 1936 года уже называет А. Жида ... „пегой помесью старого французского писателя и резвого русского белогвардейца, пестрый по окраске паразит и гад; сварливый, до крайности ограниченный расточитель ядовитой антисоветкой слюны".

Что случилось, что большевики своего верного друга и „лучшего представителя передовой Европы" ныне обливают ушатами помоев?!

Андре Жид за свое пятимесячное пребывание в СССР. понял всю нищету советской действительности, при чем не толъко нишету хозяйственную, материальную, которая бросается в глаза даже проезжему путешественнику из окна вагона, но особенно ярко описал нищету духовную.

„Возвращение из СССР". — выдающееся свидетельство о советском „рае", хотя в книге и нет цифровых данных, но ценны и характерны подмеченные автором различные проявления советской действительности.

Его поражает официальное единомыслие советских граждан, отсутствие у них собственых мнений, своих взглядов, отсутствие критики, хотя советы усердно заполняют столбцы своих газет „самокритикой", которой восторгался и сам Андре Жид из прекрасного далека

Но вблизи он скоро должен был понять, что за пределы доносов о том, что столовая невымыта, суп плохой, самокритика, не выходит; говорить и спорить, например, о генеральной линии, совершенно невозможно. И горе тому, кто попытался бы „в самокритике" подняться выше мелких доносов и коснуться политики и вообще идейной области. Для власти от народа требуется только одобрение, только приятное, восхищение всем тем, что делается в СССР. Андре Жид даже сомневается, что эти люди когда-то совершали революцию.

„Я сомневаюсь, что возможна была какая-нибудь другая страна, не исключая и Гитлеровскую Германию, в которой дух менее свободен, более согбен, более боязлив и терроризован, более подчинен. Иногда спрашиваешь себя, да мог-ли бы вернуться сюда сам Ленин?" — вопрошает автор

„Нам обещали диктатуру пролетариата. Но это не так. Диктатура имеется — это очевидно, но это диктатура одного лица, а не диктатура пролетариата, об'единенного в советы".

„Там видно на каждом шагу презрение или, по меньщей мере, равнодушие тех, кто живет на солнечной стороне, к низшим, к прислуге, к чернорабочим, к людям поденного труда и бедным вообще. Правда, в СССР. нет классов. Но есть бедные, и их слишком много".

„В советском обществе льстят буржуазным инстинктам и их поощряют и ими руководствуются советские сановники. Они совершенно незнакомы со всем, что происходит заграницей". Андре Жида даже спрашивали, есть-ли в Париже Метро, автобусы и т. д. Андре Жид возвратился из СССР. совсем разочарованный советским „раем".

Свои разочарования высказал и коммунист Эрбар. В газете „Батай" Клембер Легэ отмечает, что в СССР. строится социализм „на свой лад".

Одним из последних возвратившихся из СССР. является писатель Ролан Доржелес, автор романа

„Деревянные кресты“, популярный в левых французских кругах. Свое впечатление о СССР. он описывает в очерках „Да здравствует свобода“. Он всецело подтверждает подмеченное Андре Жидом, а в открытом письме к французскому рабочему пишет: „Тебе рассказывают, что в Сов. России рабочие — хазяева. Это неправда: Тебе налгали. Он в подчинении,как у нас. Они должны работать так же, кас у нас. Они стягивают ремни на животе гораздо туже и больше, чем у нас“.

Побольше бы таких путешественников, быть может скорее тогда поймет всю лживость большевицкой провокации раскисший европеец! . , .

1937 г.

---

## II.

# ЕДИНСТВО И НЕЗАВИСИМОСТЬ

Каждый казак-националист должен ясно и отчетливо осознавать, — какое содержание он вкладывает в эти слова. Наша задача— освободить Казачьи Земли от Московской оккупации и возродить казачью государственность, которую мы мыслим, как совокупность всех земель Европейского Казачества. Мы боремся за единое казачье государство — Казакию, которая по своим экономическим, историческим и природным особенностям представляет целостную единицу.

Казакия не есть простое арифметическое сложение, но органическое целое, части которого функционировали самостоятельно, но взаимная хозяйственная и историческая связь коих признавалась и в бытность Российской Империи установленным термином — Юго-Восток.

Казачьи Земли, как правовое государство, есть артель равных членов — отдельных войск. Определенные права Верховной власти распространяются одинаково на всех членов. Существование параллельности власти Верховной и каждого отделньного войска, как будто, создает двоевластие и вредит порядку. Однако, практика подтвердила, что этот параллелизм вполне совместим в жизни государства. Примеры — Соеденeнные Штаты Сев. Америки, Бразилия, Швейцария, Аргентина, Великобритания и т. д. Современные государства также стремятся к разгрузке государственного центрального аппарата в сторону представления определенной компетенции на местах. Должа лишь быть гармония в разделе компетенции. Рациноальное распределение прав и обязанностей отвечает общественным запросам и полнее привлекает государсвенные элементы к работе, посему необходимо дать инициативу на труд каждому гражданину, который принимал бы участие в государственном строительстве.

Мы не можем в наши земли вносить сугубый централизм. Нельзя сразу, по приказу всех причесать под одну гребенку, у каждого войска есть свои особенности, свои местные интересы, которые мы должны сочитать с интересами целого нашего государства и стремиться сглаживать грани, как между отдельными войсками так и между отдельными слоями нашего населения. Процесс этот весьма успешно проходит уже сейчас в наших землях, и игнорировать всю его важность и значимость никак нельзя. Там идет добровольное оказачивание коренного крестьянства, и совершенно исчезает сушествовавший в период революции вредный антагонизм между казаками и крестьянами, который трагически отразился на нашей борьбе в прошлом.

Равно *нельзя вносить между войсковое разобщение,* так как, всё нам грозно диктует идею единства, которая осуществима толкько на почве государственно—политической. *Всякие отдельные попытки войск к самостоятельному действию снижает динамическую силу наших национальных* устремлений, крепкий казачий кулак в растопыренные пальцы и без сомнения *приведет к разделу казачьих земель* (по признаку языковому) между Россией, Украиной и Кавказом. Это означало бы ликвидацию Казачества, самоуничтожение Казачества своими-же руками в чужую пользу.

Были уже попытки злейших врагов Казачества внести в нашу единую казачью семью такое расслоение чрез казачьи-же руки. Все помнят, как Михей Гребенников, со своим десятком „донских самостийников“, стал издавать журнал — „Дон“, проповедующий идею чисто донского сепаратизма, отрицая идею Казакии. Они стремились расслоить по войсковым швам единое казачье национальное течение, потом стравить их и, тем самым, обессилить и убить само казачье освободительное движение.

В тот раз Вольное Казачество инстинктивно почувствовало в этой акции что-то неладное и подвергло ее острой и проницательной критике. Станичник П. Н. Кудиноз в № 135 журнала „Вольное Казачество“ горячо осудил этих „донских самостойников“ и такими словами закончил свою статью: „Да живет Союз Казачьих Республик под прекрасным именем — Казакия. Создание таковой цель разумная, оправдываемая и достижимая“. Станичник В. Т. Еремеев в том же нонере не менее горячо осудил происки гребенниковцев в сторону выделения донцов из общеказачьего нац. движения. Наконец, С. Балыков в № 7 „Ков. Волн“, в статье под заглавием „Нутряной чирей“, метко указал на истинную подоплеку акции „Дона“. После такого дружного осуждения и казачьей настороженности, главаря этого „движения“ Михея Гребенникова отозвали в Ростов, где ныне он служит в ГПУ.

Стремиться к государсвенной независимости каждого войска в отдельности означает поворот назад: это значит делать удар по казачьему освободительному движению. Казачьи земли всегда и всеми (даже в проэктах русских декабристов и народовольцев) определялись, как самостоятельная единица в территориальном, экономическом и историческом отношении.

Само же Казачество издавна стремилось к единству, к общему действию; так было встарь, так было в недавнем прошлом. Казаки ясно сознавали, что для защиты своих интересов необходимо об'ебединение всех близь лежащих войск. Каледин, об'явив всю полноту государственной власти на Дону, отлично сознавал необходимость создания Юго-Восточного Союза казачьих областей и свободных народов гор и степей. Эту же идею преследовал Краснов; она же выразилась позднее в создании Верховного Круга.

Поэтому попытки повернуть казачью государственную мысль вспять, в исходное положение, было расценено казаками, как происки врагов Казачества, ибо войсковое разделение означает одновременно и раз'единение духовное, идеалогическое и ослабление наших национальных устремлений.

Разделительным тенденциям врагов Казачества мы должны противопоставить мощную, твердую и непреклонную волю к единению. Мы никогда не должны забывать, что наша войсковая разобщенность была в вражьих руках целью раз'единения и ослабления нас. Так было в прошлом, так будет и в будущем.

Для каждого стойкого, идейно закаленного, испытанного казака-националиста войсковые различия чужды; он выше их. Он руководствуется только интересами всего Казачества, как государственного целого, и для него безразлично руководит ли работой донец, кубанец, или терец или в прошлом коренной крестьянин, лишь бы искренно с пользой для дела работал. Убежденный, зрелый и трезвый каз. националист руководствуется исключительно пригодностью человека для дела, работоспособностью его, степенью отданности человека данной идее, вне зависимости от произхождения этого руководителя.

Основной предпосылкой для завоевания казачьей свободы является единство идеологическое и тактическое, единство мысли и действий и их крепкая организованность. Поэтому демократический (природно казачий) централизм — нерушимый закон организационного построения нашего движения. Строгая централизация в работе, руководство всеми организациями из одного центра, железная дисциплина, обязанность всех решений высших органов для нисших должно согласоваться с выборностью, подотчетностью руководяших органов законным способом сверху донизу. Это четко должен будет зафиксировать предстояший об'единенный с'езд национального Казачества. Однако, мы не должны признават абсолютных, раз и навсегда установленных форм организации, но всегда и при всех обстоятельствах должны руководствоваться *задачами боеспособности движения*, укреплением его монолитности, спайки, твердости и авторитета. Демократические методы работы внутри движения не могут всегда и при всех условиях, в одинаковой мере проводиться в жизнь. Возможно будет и обстановка, когда для нас будет необходима и военная дисциплина в движении.

Нашей работой должна руководить страстная, железная и непреклонная воля к достижению казачьей свободы. Мы будем смело и до конца защищать интересы Казачества. Мы последовательно и до конца будем бороться за возраждение казачьей государственности. Наше движение не имеет других интересов и других задач, кроме тех, какие есть у Казачества. Мы стремимся к тому, чтобы каждый казак был идейно вооруженным, политически дальновидным, так как это даст ему возможность в любой обстановке распознавать врага, как бы он ни маскировался.

Вот почему мы, казаки-националисты ставим во всей широте вопрос о подготовке наших кадров, полноценных, истинно идейных работников казачьего дела, мы вполне понимаем, что решить основные задачи, поставленные проблемой казачьей свободы, возможно только подготовкой своих преданных делу кадров. Ставя вопрос о кадрах Казачества, мы ставим вопрос о человеческом фундаменте казачьего строительства, в котором должен принять участие каждый казак, в ком еще не застыла кровь казачья, кто чувствует свой долг перед народом.

Только идейно сплоченные, тактически и организационно единые, мы можем смело и уверенно идти по пути возрождения независимости Казачества. Это путь политического, хозяйственного, культурного и социального возрождения под родным казачьим знаменем.

---

**Под'ес. А. Алимов (Фр.)**

# Казачья актуальность

Уход в изгнание донских казаков в 1920 году организованным государством во главе с избранным Атаманом, с парламентом, с армией, с государственными учреждениями, школами, интеллигенцией, с гражданским населением, обуславливает продолжение борьбы за государственную независимость Дона и дальше.

Народные представители Дона, об'явившие его в 1918 году вновь независимым государством, принявшим Основные Законы Донской Республики, известно о тождественном выявлении воли и других казачьих войск, а также Украины и народов Кавказа. Все эти народы и ныне неизменно стоят на решении бесповоротной борьбы за государственную независимость.

Внешним миром, в результате правильно поставленной и активно проводимой полит. работы освободившихся народов, была признана государственная независимость Финляндии, Прибалтийских народов, Польши и возвращена Румынии Бесарабия. Совсем недавно, на наших глазах, антикоммунистическими государствами была признана государственная независимость Манджурии и Монголии, которые много сот лет были под властью 400 миллионного китайского народа.

Этими же антикоммунистическими государствами, в целях изоляции коммунизма, в порядке борьбы с ним, власть ген. Франко в Испании была признана законной еще до окончательной победы его над испанскими большевиками.

Этими фактами определяется тактика антикоммунистического мира, которая дает нам основание верить, что борьба с главным коммунистическим очагом на территории бывш. России будет проводиться по линии расчленения СССР на самостоятельные государства путем поддержания освободительных устремлений закабаленных там народов, которые в 1918 году провозгласили свою независимость. С другой стороны, все в Европе осознали, что освождение окраин СССР от коммунистической системы должно способствовать разрешению экономической проблемы всей Европы, в особенности Германии.

1936-й год дал нам сговор антикоммунистических сил, готовых вступить в вооруженную борьбу с коммунистическим интернационалом на территории Совсоюза, в результате кототой поражение Москвы представляется неизбежным.

Наши соседи, Украина и народы Кавказа, интенсивно готовятся к грядущим решающим событиям. С большою грустью мы констатируем, что былые казачьи верхи, к несчастью Казачества, обездушились в русской эмигрантской обыденщине, забыли заветы и постановления Державного Круга о Донском государстве, занимаются безжизненной проблемой „Великой России", неуклонным ходом истории отошедшей в вечность в октябре 1917 г.

А между тем неумолимая логика событий подвела нас к желанной развязке. Можно желать или не желать неизбежного расчленения СССР по линии крупных и активных народностей, но помешать этому никто и ничто не может. В Европе нет той силы, которая могла бы предотвратить логический конец Октябрьской революции, т. е. конец русского империализма, как нет этой силы и в самом Совсоюзе, ибо слишком тесно сочетались жизненные интересы закабаленных в СССР народов — с одной стороны, и сильных и активных мировых факторов — с другой стороны.

Мы, об'явившие через Войсковой Круг Дон независимым государством, выдержавшие трехлетнюю беспримерную тяжелую войну за нашу возрожденную независимость, не можем не радоваться росту антикоммунистических сил в Европе, в которых мы так нуждались 20 лет тому назад ...

Но теперь наше пребывание в изгнании может прерваться весьма скоро, значительно раньше, чем многие из нас думают. Только необходимо позаботиться о том, чвобы мы вернулись на Дон хозяевами своей земли, организованным государством, а не в качестве безвольного и безсильного колониального материала. Поэтому за грядущую судьбу Дона сугубо ответственны прежде всего господа члены Круга, офицеры и вообще казачья интеллигенция.

Донская армия не осталась в долгу перед своим Отечеством--Доном, чего нельзя сказать о членах Круга. И теперь, в изгнании, несмотря на лишения физические и моральные, мы, казачьи офицеры, не разучились любить наше Отечество—Дон и посильно заботиться о его интересах. Это нам и дает право обращаться к господам членам Круга с призывом очнуться, выйти из русского эмигрантского болота и немедленно заговорить старым языком Донского Круга: „Дон есть самостоятельное государство, основанное на началах народоправства" ... Членам Донского Парламента надлежит поднять голос в защиту попранной коммунизмом независимости Дона. К этому обязывает их работа, начатая еще на Дону.

Пусть обстановка и события тогдашних лет прервали эту государственно строительную работу Донского Круга, но сейчас назревает вновь благоприятная ситуация, и было бы не простительным преступлением, если бы члены Круга не попытались полезно использовать эту обстановку.

Надо надеяться, что голос Круга будет ныне услышан на внешнем фронте, ибо он правомочен говорить от имени донского казачьего народа на Дону. А если за примером Донского Круга последуют и Круги других казачьих войск (Кубани и Терека), то успех еще более обезпечен.

---

**С. Балыков (ЧСР).**

# ПО МОМЕНТУ

**(Окончание)**

Необходимым условием успешного развития всякого политического движения является наличие в нем крепко спаянного руководящего кадра работников, по своим интеллектуальным данным находящихся на достаточном уровне политической зрелости, т. е. дорослих до понимания необходимости активной, жертвенной работы, руководящихся в своих поступках принципом добровольной самодициплины и взаимной солидарности.

Процесс образования такого кадра довольно сложный, требующий и времени и событий, зависящий не только от культурной и умственной подготовленности членов, но и от остроты и необходимости достижения той цели, ради которой данное общество составилось.

Казачье национальное движение только на десятом году существования может отметить у себя наличие первоначального ядра такого кадра руководителей. Из сказанного ясно, что число членов этого кадра не может быть велико. Но это и не столь важно. Ценность политической организации определяется не только по числу голов сторонников ее идеи, но прежде всего качеством руководящих сил. Только умение и воля руководителей определяет судьбу политической партии.

Общее количество членов интеллигентного слоя казачьего национального движения около 200 человек. Но тяжелые условия жизни, отнимающие у многих все время и всю энергию, разбросанность, зачастую изолированность, многим и многим не

дают возможности активно проявлять себя в работе по движению. Поэтому, из этого значительного количества интеллигентных националистов активными нужно считать приблизительно одну треть. Если эту одну треть определить в 65 человек, то она распределяется к данному времени так: 45 человек вокруг Центрального Правления Вольного Казачества „Казакия", 5 человек около И. А. Билого (о наемных и прилипших не говорю) („Вольное Казачество"), 6 человек в ЛВК („Каз. Дело") и десяток человек нигде не организованных, по различным причинам сохраняющих индивидуальную свободу или изгнанных из организаций, но чувствующих себя казачьими националистами.

К руководящему кадру движения нужно отнестись очень требовательно. Поэтому даже из тех 45 человек руководящего кадра крыла Центрального Правления ВК. большую половину, по разным причинам и обстоятельствам, необходимо отнести к временно пассивночающим. Фактически действительно активный кадр руководителей-работников, об'единенных вокруг ЦП. (об иных группах тут не говорю), можно определить в 20 человек.

Выдвижение из большого общества, располагающего тысячным людским материалом, узкого круга избранных лиц — дело, конечно, трудное и щекотливое. Эта щекотливость увеличивается еще больше, если этих избранных в свою очередь нужно разбивать на активных и пассивных.

Но центр всякого политического движения такую работу обязан проделать, и Президиум Центр. Правления к ней должен приступить скорее. Во избежание недоразуний, список этого кадра можно и не публиковать, а каждому члену руководящего кадра должно быть сообщено особо.

Члены руководяшего кадра Вольного Казачества должны набираться по выбору Центрального Правления по представлению Президиума; три старых члена кадра могут выдвинуть кандидатуру известного им вольного казака, каковая каидидатура должна обсуждаться в Президиуме и, в случае положительного решения, должна быть представлена на утверждение всего Центрального Правления большинством голосов; член ЦП также может представлять кандидата на зачисление известного ему вольного казака в число членов руководящего кадра. Исключается член руководящего кадра решением Центрального Правления по представлению Президиума, а в особых случаях и по решению самого Президиума.

Только так можно составить крепкое и действенное политическое ядро, и только при наличии такого кадра можно считать движение жизненным, способным переносить и время и трудности, организованно добиваться цели, вообще способным делать целесообразную политику.

Станицы, хутора, округа, с часто меняющимися правлениями и составами, ничем не гарантированные от проникновения сомнительных элементов, могут быть бытовыми об'единениями вольных казаков на местах. Они должны служить щирокой людской базой руководяшего кадра и физической силой движения.

Напрасно некоторые думают, что казачья политическая общественность в своей деятельности может идти какими то особыми путями. Это—ошибка, которую нужно оставить на долю поэтов. Поиски таких особых путей были бы напрасной тратой времени. И казачья общественность подвержена тем же обычным законам человеческой общественности. Поэтому казачье национально-политическое движение нужно развивать обычными путями политических партий.

Также напрасно думают другие, что освобождение само собою придет с возникновением благоприятной политической ситуации. Обстановка и условия не создают прочного положения, коль скоро не будет у народа подготовленных людей, которые могли использовать эту обстановку. Судьба народа прежде всего определяется деятельностью человека. Поэтому человеческий кадр гораздо важнее благоприятной обстановки. Такой благоприятной обстановки, как в 1917-1919 годах, едва ли когда будет, однако, коль скоро у нас не было соответствующих требованию людей, положение не было использовано. Свободу свою закрепили и сохранили только те народы, у которых нашлись подготовленные и активные люди.

Вот о подготовке такого кадра казачьих национальных деятелей, которые могли бы полезно использовать для Казачества грядущие события, идет речь.

Только в организации твердого кадра активных политических работников, желающих и могущих работать при всяких условиях без вздохов и капризов, заключено лучшее будущее казачьего национального движения.

---

**Григорий Еременко (ЧСС).**

# Казачье „арийство"

Модные и одиозные общественные процессы весьма заразительны, почти не бывает так, чтобы они где либо не находили подражателей. Немецкое движение к „арийству", кажется, нашло подражателей и у нас — в Казачестве. Приходится изредка слышать разговоры и соображения о „чистоте" или „не чистоте" казачьей крови и у нас, у казаков-националистов, выдвигаемые в качестве аргументов „за" или „против" работы (а следовательно и положения), тех или иных лиц. Нет спора о том, что такие разговоры в устах казака чистая демагогия, но, поскольку демагогия явление вредное, приходиться на нее обращать внимание.

Казачество, как общеизвестно, является продуктом смешения различных этнических элементов еще с древних веков. Об этом писали и пишут лучшие теоретики казачьего национализма. Практически нет никакой возможности доказать чистоту или нечистоту крови того или иного казака. На самом деле, считать ли чистокровными казаков — Греко-

вых, Персидсковых, Турчаниновых, Калмыковых, Поляковых, Цыганковых, Федоренковых, Калюжновых, Запорожцевых, — или Мельниковых, Колесовых, Плотниковых, Дегтярниковых!? Первые ведут свое происхождение от тех народов, на которых указывают их фамилии, а фамилии вторых говорят о том, что предки их были в Казачестве пришлыми ремесленниками — колесниками, кузнецами, мельниками, дегтерями, плотниками и т. д., т. е. большею частью мужиками, пришедшими к казакам на промыслы, а потом приписавшимися.

У казаков исстари была в ходу умная и добрая традиция — ценить людей не по крови, а по верности Казачеству, по полезности его деятельности для Войска. Это показывает, что Казачество еще в древние годы в своем коллективе было на достаточном высоком уровне общественного сознания и трезвости.

Тем более не может быть разговора о „чистоте“ или „нечистоте“ кровяных шариков в Вольноказачьем движении, как в чисто политическом идейном деле. В наше время много таких „чистокровных“ (допустим на минуту, что такие существуют), которые для казачьего освободительного дела опаснее злейших врагов, ибо ничего нет опаснее для судьбы закабаленного народа, нежели предатели и ренегаты из его же среды. Они всегда являются могущественным моральным и физическим орудием в руках врагов. За примерами ходить недалеко: перед нами „чистокровный казак Чапчиков, Сидорин и приписные казаки — Лапкин, Сидоров, Чекин. Кто из них полезнее для казачьего освободительного движения. Или — „чистокровные“ казаки Голубов, Миронов и Сорокин и приписные — Мамонтов и Фицхелауров!... Кто из них лучше служил Казачеству?...

Вообще история не только Казачества, но многих других народов полна примерами, когда тому или иному народу верно служили и приносили большую пользу люди, ведущие свое происхождение со стороны. Так, например, первые цари московские— Рюриковичи — были родом скандинавцы, варяги; самый толковый из русских царей — Борис Годунов — был родом татарин; ныне — Сталин, Каганович, Орджоникидзе, Литвинов — политикой коих восторгаются многие чисто русские патриоты, вовсе не русские; Наполеон не был француз, а итальянец (корсиканец); знаменитый английский политик — Дизраэли – был еврей, а не англичанин, освободитель Польши—Пилсудский— родом литовец; Гитлер — австриец; вождь ирландских националистов, освободитель Ирландии—Де-Валера — испанец, одним из вождей ирландцев националистов был также чистокровный англичанин; под'ем греческого национального движения в глазах внешнего мира обозначился с началом участия в нем английского поэта лорда Байрона; не был фрацузом и другой французский национальный герой—Гамбетта, а кто такой Блюм, знает каждый; Болгария чтит память русского князя Дондукова, а он был родом калмык. Вообще таких примеров в истории много. Много случаев, когда горчайшие беды народу приносили его собственные дети (Ленин, Керенский, Милюков, ген. Филимонов), наряду с этим также много случаев, когда с пользой служили ему люди, ведущие свой род от иных народностей (Лорис-Меликов, Багратион, Витте).

Каждый член Вольноказачьего движения может быть оцениваем только с точки зрения его полезности для Казачества, а не с точки зрения кровяных шариков.

Национализм это — прежде всего идея борьбы за освобождение и возрождение народа (в данном случае Казачества). Кто этому народу в этой борьбе честно помогает, тот ему и дорог.

---

**И. И. Безуглов (ЧСР)**

# ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

## I.

Как и следовало ожидать, за последние пол года в Европе уже ясно выявились два резко противоположных политических блока, роль арбитра между которыми приняла на себя Англия. Эти два лагеря группируются, с одной стороны — вокруг Франции и, с другой — Германии и Италии, заключившими, кроме того, договор с Японией „для борьбы с коммунизом“.

Силы возглавляемого Францией лагеря очень ослаблены отходом такого союзника, как Бельгия, заявившей о своем нейтралитете, и тем самым отказавшейся от 22-летнего союза с Францией. Далее Швейцария, всегда бывшая нейтральной и симпатизировавшая к государствам с левыми правительствами, об'явила коммунистическую партию вне закона, изгнала всех коммунистов, находящихся на государственной службе и избрала президентом г. Мотта, ярого противника коммунизма, ставшего известным целому свету по своим выступлениям против принятия СССР в Лигу Наций.

Также Югославия заключила в конце этого месяца пакт о ненападении с Италией и признала этим договором протекторат Италии над Албанией и присоединение к Италии Абиссинии. Хотя многие, кому это нужно, и утешают себя тем, что Итало-Югославский договор не нарушает союзных отношений Югославии с Францией и Малой Антантой, но это утешение слабое, ибо — если формально эти старые союзы не нарушаются, то психологически договор Югославии и Италии означает глубокий перелом в перспективе отношений Югославии к Малой Антанте и Франции. Интересно отметить, что в Итало Югославянском договоре ни словом не упоминается о Лиге Наций, т. е. этот договор является продолжением тех двусторонних самостоятельных договоров, которые начали заключаться

вне рамок Женевского института инициативой Японии и Германии. Таким образом, принципу „коллективной безопасности“ при помоши Лиги Наций, за которые хотели было укрыться большевики от нависшей опасности, наносится очередной удар.

Подведя итог политической перегруппировке сил мира за последние полгода, увидим со всей ясностью, что силы левого блока (франко-русского) катострофически ослабляются без надежды восстановить утраченное положение.

Не маловажную роль в этом сыграли Испанские события, показавшие всю опасность коммунизма, разрушающего все на своем пути и, ради торжества интернационала, не брезгающего никакими средствами.

Положение же во Франции, управляемой правительством Народного Фронта, где забастовки стали периодическими явлениями, возникающими под руководством большевицких коммиссаров, совсем недавно вызвавших кровопролитие в Клиши, сильно напоминает эру Керенского, что не может располагать друзей Франции к оптимизму, нуждающихся не в социализме, а в французской мощи.

Французский опыт сотрудничества с коммунистами и договор с СССР совершенно изолировали Францию, еще недавно об'единявшую вокруг себя сильный блок противофашистских государств. Теперь же с исчерпывающей ясностью виден полнейший крах попытки изолировать государства с фашистскими диктатурами.

Если взглянем на карту Европы, то увидим, что кроме Франции, части Испании, прибалтийских лимитрофов и Чехословакии (поддерживающей Францию более по обязанности на основании союзного договора) — все остальные государства отрицательно относятся к сотрудничеству с СССР, неизменно вносящему, куда бы не появились его официальные представители, только смуту и анархию, прикрывая свою гнусную работу веткой мира и дружбы.

Великобритания, вполне учитывая создавшееся положение, старается найти формулу соглашения между великими державами. Число участников ограничивается опять теми же четырьмя государствами, подписавшими в свое время Локарнский договор. „Какое либо участие в этом СССР заранее исключено заявлением как Германии, так и Италии.

Ввиду того, что иного выхода для предотвращения военных потрясений, как в Средней, так и в Западной Европе не имеется, — можно с уверенностью предполагать, что такая комбинация, под руководством Англии, будет осуществлена.

Это будет вместе с тем означать полнейший крах как коммунизма так и вообще советского правительства, в течение 19-ти лет занимающегося кровавыми экспериментами не только над русским народом, большевизм воспринявшим, но в еще большей степени над 70-ю миллионами других народов, с самого начала отрицательно отнесшихся к большевизму, но не могуших до сих пор избавиться от террора поработителей. В числе народов— мучеников и заклятых врагов большевизма на первом месте стоит Казачество, которому только крах Сов. России принесет свободу и самостоятельность.

---

**А. Невидимов (С.-Америка)**

# КАЗАЧЕСТВО В ОПАСНОСТИ

**Слу-шай!...**

Едва-ли кто-нибудь станет оспаривать тот факт, что воссоздание в эмиграции бытовых казачьих организаций, как станицы и хутора — эта привычная форма казачьего бытия, казачество сохранило свое лицо, ярко демонстрировало сплоченность в своей толще и этим спаслось от разложения и неизбежной гибели.

Можно сказать больше — в такой форме казачьих организаций лежит не только залог несокрушимой спайки, но и надежная основа быть может недалекого будущего возрождения казачества в целом. . .

Советская власть как-то проморгала этот процесс зарубежной казачьей самоорганизации: после Крыма все свои устремления по разложению она направила на разрозненную и разношерстную русскую массу.

Изворотливость ее на этом пути поражает изобретательностью и вместе с тем настойчивостью. И хотя в Каиновой ее работе всё время образуются прорывы, она не оставляет своей основной цели — разложения всеми явными и тайными средствами.

Разве можно забыть работу советской власти на раскол между молодым и старым поколением в зарубежьи, так ловко проведенную на первых шагах заграничного существования среди учашейся молодежи „товарищем“ Неандером, которому годами удавалось дурачить русскую интеллигенцию? . .

Сколько зла принесла эта гнусная работа эмигрантскому делу в недавнем еше прошлом? Какие видоизменения оставила она под разными прикрасами для настоящего? И кат знает, чем она подарит Зарубежье еще в будущем?

А трест Оберпута, приведший к трагедии ген. Кутепова со столь роковым ударом по Обще-Воинскому Союзу?!

Но не успела перевернуться печальная страница Кутеповской юдоли, как обнаружилась гнусная быль с „Братством Русской Правды“, с чекистом Кольбергом во главе, чрезвычайно ловко прикрывавший основную идею московских палачей в эмиграции.

А затем на смену этой „Братской Правде“ выплыл русский фашизм с Светозаровым-Пильхау, а потом Бермондт-Авалоным во главе, этих подручных ребят Сталина, к счастю скоро разоблаченных Гитлером. Неправдоподобно это, но флаг и этого „фашизма“ туманил разваливавшиеся горячие головы и забивал кол в эмиграцию.

Можно бы грустный синодик этого разложения разными приправами продолжить и дальше, фиксируя дальнейшую настойчивость Москвы в отношении потерявшей силу сопротивления русской эмиграции, но мы перейдем к нашей прямой теме, — к вопросу той угрозы, какая нависла сейчас над Казачеством.

Плебисцит, недавно проведенный донцами, при выборе Атамана, не на шутку взволновал московских палачей и заставил их внимательнее заняться казаками.

Казачий маскарад, разыгранный „там“ — на родине, с лампасами и чубами, с песнями и джигитовкою, конечно, не случайный, хотя и пустой эпизод. Набрать казаков из слободы Мартыновки и Орловки — родины Буденного и Думенки добавить к ним отщепенцев действительного казачества, Шеболдаеву было не трудно. А сдобрить этот сброд казаками из иерусалимских дворян — еще легче, тем более, что у последних врожденная страсть к лампасам. . . Это замечается даже в зарубежьи: например — в одной из казачьих станиц Нью-Иорка нашел приют „такой“ казак, некто Сигаль или Цигаль, и он, только он один, демонстрирует перед американцами казачьи лампасы, щеголяя в мундире нестроевого старшего разряда! . . . Ну, а „там“ — на родине, даже неопытный глаз иностранного корреспондента был поражен знакомыми „ушами и носами“ сталинских казаков.

И все же эта комедия с переодеванием сущая чепуха на казачьей спине. Хуже дело с так называемыми казачьими „вождиками“ в Зарубежьи, которые, забыв казачью честь и достоинство, из мелких, своекорыстных побуждений стараются втиснуть в Казачество, Алпатовщину, Чапчиковщину, Байдалаковщину, быть может сознательно продолжая этим путем предательскую работу по разложению товарища Неандра.

Правда, этот нарост в Казачестве мало злокачественный, а сами творцы его смехотворны, но явление это заставляет насторожиться и спросить: ужели „вождики“ забыли, что пути Казачества начертаны твердо потоками пролитой Казачьей крови в борьбе за казачьи идеалы? Ужели они не понимают, что эти потоки крови обязывают? Ужели не ясно, что Казачество монолит, пока оно спаяно Конституцией, на верность которой приносили присягу не только Граф Граббе, но и они, эти „вождики“?...

Мы прошли бы полным молчанием мелькнувшую на казачьем горизонте „оборонческо-пораженческую“ вспышку гг. Семенченковых и Ко, если бы в Пражской группе их не появилась беззастенчивая фигура Сидорина с его „Казачьим Центром“.

Случайно вынесенный волною невзгод на большие высоты, он всегда вызывал какое-то недоумение и лично и своим окружением. Еще не выветрился из памяти казачьей странный факт, что чины щтаба Сидорина после Крыма как-то открыто, слишком демонстративно, перешли на службу к большевикам, — сначала начальник его штаба Кельчевский; потом щтаб-офицер для поручений, чрезвычайно темная личность — граф Дю-Шайля, некогда обряженный Сидориным в форму донского офицера, а ныне видный и влиятельный представитель коминтерна на Балканские государства; потом — личный адъютант Сидорина — А. Агеев, из Москвы прикативший в Болгарию с большими деньгами и широкими полномочиями для уловления казачества...

И вдруг — теперь, случайно или по логике вещей, сам Сидорин... пытается взять на себя позорную и бесстыдную миссию — увлечь доверчивых казаков в лоно Сталина:...

Конечно, удивляться этому не приходится, но нельзя же закрывать глаза на столь печальное явление, ибо удар по казачеству задуман сокрушительный, независимо от того, принадлежит ли данная идея Сталину, Димитрову или Дю-Шайля...

Казачеству нужно быть на-чеку,—за него берутся всерьез, Москва устраивает на него форменную облаву!

---

**Я. И. Лопух. (Болгария)**

## Пасхальная ночь эмигранта

Пасхальная ночь спустилась на землю;
Зажглися звезды в небесах,
Сады, луга все зеленью одеты;
Весенний шум чуть слышится в садах.

Земля полна весеннего благоуханья;
Наполнено всё радостью весны.
Изгнаннику ж юдоль одна — воспоминанья,
Что было в прошлом в эти дни.

Картины прошлого встают передо мной,
То детства милого, то юности златой,
То возмужалости солидной,
То тесный круг семьи родной;

То празднично нарядные станицы,
И в них торжественный пасхальный перезвон,
Довольство, радость на всех лицах.
Встреча гостей, радушный их прием...

Погибло все! Все красный хам попрал:
Обычаи, семью, родной мой край...
Но, как бы я в изгнаньи ни страдал,
Надежды луч в душе моей не угасал.

Воскреснет вновь мой Край Родной;
Настанет ада злу конец;
И там, на родине святой,
Услышим мы — „Христос Воскрес!“

---

**„Великий человек ищет в себе, а ничтожный в других“. (Конфуций).**

**Павел Поляков (Югосл.)**

* * *

Боже, дай мне силы выполнить заклятье,
Не покинуть старый, одинокий путь,
И Тебя ведь тоже распинали братья
И Твоя болела от страданий грудь.

Боже, дай мне веру, дни продли дотоле,
На заре свободы степи увидать,
До победы правды, до победы воли,
И победе этой песню дай сыграть.

И тогда счастливым я уйду из мира.
И Тебе и Степи — славу пропою,
И Душа поэта, поселясь в эфире,
Счастье жизни вечной обретет в раю.

**Гнат Макуха (Югосл.)**

* * *

Гинуть брати козаченьки
Всюди по чужбині,
А ще більше гине бідних
У рідній Краіні.

Нема правди — розіп' ята,
Нема в людей волі.
Одни хрести тілько видно
У рідному полі.

Та могили (свідки давні)
Знову, бідні, бачуть,
Як козаків обдирають
І як вони плачуть.

Тілько Ти, наш Милосердий,
Нічего не бачиш!...
А може й Ти с козаками
У купі теж плачеш?

Бо й Тебе ж то, як і колись то
Знову розпинають,
Та псувати — Тебе Боже
Братів заставляють.

Коли ж бачеш рай совітський
Людські сльози й тугу, —
Чого мовчиш, чом не пошлеш
Великую хугу?

Подмете вітер, так погоне
Сміття за собою
І останеться у Рідним
Козацтво з Тобою.

Пошли ж Боже! змети сміття
Хай Рідний спочине
Нехай доля, нехай воля
У Рідний прилине.

Тоді Тебе наш единий
Будем почитати
А без сього — прости Боже
Будемо роптати.

**Мих. Мурзин (ЧСР).**

## ДОН

Родная степь без берегов
Колышется, как море,
Ковром душистым из цветов
В бесконечном просторе.

Курится фимиамом нежным
И птичьим гомоном звенит;
Простором радужным, безбрежным,
Широкой лентой шлях бежит.

Ирисы, чобор и тюльпаны
Красой недолгою пестрят.
Былого сверстники — курганы
Молчанье мудрое хранят.

И в зное лета рдяном
Пустыней степь лежит,
Тогда белеющим бурьяном
Полынь сожженная стоит.

В тенистых балках прохладных
Ручьи, извиваясь, журчат;
Да ветры в порывах внезапных
Легенды о степи творят.

Седой и пушистый ковыль
Нам шепчет чудесную быль
О тайнах степных великанов,
Уснувших под сенью курганов..,

Колышутся пышные нивы;
В них кашка, васильки белеют;
Татарник поднялся спесиво;
Кровавые маки алеют...

И в яркой зелени садов
Лежат красавицы станицы —
Наследье дедов и отцов, —
Родные в них покоятся гробницы.

У рек уснувших камыши
Шуршат и шепчут над водою.
О чем то говорят в тиши
Таинственной ночной порою.

Упершись прямо в небосклон,
Сверкая гладью вод лазурных,
Течет седой, родимый Дон
В брегах тенистых, изумрудных.

Там мчит стрелой сайгак;
Орелъ степной кружит на воле,
И тянется без края поле.
Твоя там родина, казак!...

Прага, 1933.

А. Н, Трофимов (Фр.)

# Степан Тимофеевич Разин

## (Выход на Волгу и поход на Каспий)

Атаманом в это время ва Дону был Корнило Яковлев, крестный отец Степана Разина. Он стал во главе той группы донской старшины, что тянула казаков на подчинение Москве. Это был хитрый, всей душой и всеми помыслами преданный царю, человек. Узнав о замыслах Степана погулять по берегам Азовского и Черного морей, он принимает все меры к тому, чтобы помешать этому. Да и сам Разин после слабой попытки не особенно-то настаивал и огорчался этим, потому что с небольшим отрядом здесь трудно пройти: в то время Азов был в турецких руках. И не столько запрет атамана, как это последнее обстоятельство заставило Разина обратить внимание в другую сторону—вверх по Дону, на Волгу и затем — район Хвалынского (Каспийского) моря. Указание же Корнилы Яковлева на запрет царя Московского всяческому проявлению казаками своей воли только раздражало и возмущало Сте ана. Опять царь! И тут и повсюду этот царь стал на путях казачьей жизни!

„Да что нам царь! Нам, вольным казакам,
И без царя жилось не хуже прежде".

Разин идет наперекор атаману, не подчиняется тому, кого выбрало Войско. Можно было бы обвинить Степана за это, если бы не было нам известно, что шел он против него не потому, что охвачен был озорством, не из желания напроказить и не потому, что был против атамана, как символа власти, а шел только для необходимой ему подготовки и прокладки пути к защите Дона от Москвы. Этот первый этап движения был необходимостью к дальнейшему. Корнило же Яковлев, ставши атаманом, почти с'умел со всей старшиной добиться безотчетности перед кругом. Он, как увидим впоследствии, был настолько же хитер, насколько и подл в своих поступках. (Ошибки при избрании на ответственный постъ всегда возможны. Ошиблись тогда казаки в Корниле. Не избегли этого и мы в свое время). Он, Корнило Яковлев, был первым могильщиком всех старых традиций донцов, первым Иудушкой в семье казаков; он был человеком, который через довольно короткое время после этого нарушил один из священных заветов старины далекой даже и для их времем — „С Дона выдачи нет", когда всякий провинившийся карался только Доном, только постановлением Круга или Атаманом в походе. Он же, Яковлев, выдал Степана Разина Москве, тогда как имел право и обязан был передать Кругу для наложения взыскания, если тот был повинен перед Войском. Степан, предвидя будущее Дона гораздо лучше, чем Атаман, любя Казачество, а не царя Московского, созывает свой Круг и решает трогаться в путь-дорогу через Волгу на Каспий.

Небольшой для начала был его отряд, всего то не больше 200 человек; они сели смело на те 4 стружка, что под песни, взмахивая веслами, пошли вверх от Черкасского к Паншину городку. Указания на эти 4 струга вы найдете и среди материалов по истории движения Разина, и в донесении услужливого Яковлева царицынскому воеводе Унковскому, и в описаниях историков. Это указание на четыре стружка опровергает все утверждения, что якобы ко времени восстания Разина так много прибыло на Дон беглецов из Московского царства, так много, что они, как будто бы начали пухнуть с голоду.

Этот то развивающийся голод, в связи с притоком беглых, многие и ставят в число, если не главных, то основных причин похода на Каспий, где возможность быть сытым, пожить, погулять.

Но если бы беглецов российских было бы так то уж много, как нам говорят, если бы был и ныне на Дону голод большой, то становится непонятным, почему же на призыв Разина погулять, поживиться, пошалить, пограбить, сыто пожить, пройтись по заморским странам, привлек к себе только 150-200 человек? Ответ простой — их, русских беглецов, к этому времени было не более как обычно, т. е. единицы. Для русских же, описывающих движение, указание на „громадное" скопление русских людей на Дону и упоминания о голоде необходимо, как средство лишить, вырвать у Разина существование какой нибудь идеи, особенно национальной. Только потому, что этот Разин принес слишком много хлопот Московии, лишают его, руководящей идеи, вложив в нее разбой, грабеж, разгул, кровожадность. Где же они эти голодные массы, почему мы не видим их в отряде Степана, куда они подевались, почему не пошли?...

Ответ напрашивается сам собою — они еще не набрались в Московии достаточной храбрости, чтобы перебежать Дикое Поле. Потянулись же они сюда с севера в большем, чем обычно, числе только после возвращения Разина из-за Каспия и еще больше — после официального раскола русской церкви, что произошло уже после смерти Степана. Присутствие русских беглецов в первоначальном отряде Разина допустить невозможно. Их там не было. Даже, если бы на Дону был голод, почему и казаков, тоже, вероятно, голодавших, так мало отозвалось на призыв Степана? Или голодать приятнее возможности хотя бы и короткое время, но пожить в свое удовольствие? Как то не вяжется все это с характером той эпохи.

По моему все дело в том, что старшинская группа тогда была уже настолько сильна, что могла диктовать свои взгляды и желания всему Войску, что бездомовые казаки уже были в сильной зависимости от них, что рука Москвы уже достаточно глубоко забралась в донские степи, и ее воеводы через эту старшину начинали незаметно руководить жизнью казаков.

Так что едва ли правильно будет утверждение, что голод был основной причиной похода на Каспий и для казаков. Ведь и раньше Москва присылала хлеба не много и не всегда, а казаки все таки жили и порой страх наводили на соседние народы, да и Москве самой иногда не здоровилось от них.

Катошихин по этому поводу говорит так: „.., а посылается к ним на Дон царское жалованье, денежное не гораздо по многу и не всегда", Настолько „не гораздо по многу", что по его словам, „а иные и сами себя промышляют". И. Ф. Быкадоров, исследуя это определение — „не гораздо по многу", находит, что из этого жалованья приходилось (и только в год присылки) 7 8 фунтов муки на казака. Очевидно, что не этим жалованьем царским существовали казаки" (История Казачества. Стр. 159. Быкадоров).

Едва ли, в самом деле, можно быть сытым целый год, имея только 7-8 фунтов муки. Значит и раньше это не было единственным источником существования казаков, значит, они имели какие то пути пополнять его, чтобы жить. Почему же мы не можем допустить, что эта возможность была и в дни перед выступлением Степана Разина и что, так называемый, „наплыв беглецов", а с ними и „голод" не есть одна из причин к походу, а вполне естественное желание русских в своих описаниях лишить, вырвать у Степана существование какой либо другой идеи, кроме той, которой они его награждали — грабеж, разбой, душегубство.

Им нужен был Разин не как идейный борец, вождь народа, а как грабитель, разбойник, которым не только бы не гордилось потомство, а наоборот стыдилось бы и поспешило забыть, и они его сделали таковым.

Считаю необходимым указать также и на то обстоятельство, что на всякого рода Круги для решения различных вопросов среди донцов голытьба пришлая (беглецы из России) не допускалась не только с правом решающего или совещательного голоса, но даже не могла присутствовать там в качестве простых зрителей. А Степан Разин, перед выступлением имел свой Круг, где об'явил поход.

Следовательно, и те 150—200 человек, ставшие под его начало на 4-х стругах, были только казаки, а никто другой. „На Дону — говорит Быкадоров — существовала свобода, но равенство, естественно, существовало только для казаков. Им не пользовались приходившие из пределов Московского государства, преимущественно из пограничных городов его, русские люди: торговцы, ремесленники (сапожники, портные, купцы и т. д.)". Конечно, этот московский „наброд" равенством с казаками не пользовался и в Кругах участвовать права не имел уже по одному тому, что он не был Казачеством (Быкадоров).

Так что Разин, если бы и хотел пригласить кого из русских на Круг, то, в связи с отсутствием у него должной воинской силы, не мог нарушить этот закон казачьего государства, где пришлые русские были самыми обыкновенными иностранцами. Так что еще раз говорю, что сели с ним только казаки, а мало потому, что старшинская группа была достаточно сильна, чтобы восстановить казачью массу против начинания Разина, шедшее в разрез их интересам. Уход Разина вверх от Черкасска доставил им и Атаману Корнилию Яковлеву известную удовлетворенность. Рад был Атман, что не придется ему теперь отвечать перед царем Московским за нарушение договора с турками. Доволен, что избавился от возможного ответа перед „начальством". А что Разин двинулся без разрешения вверх по Дону . . . ну мало ли что бывает. Он, Корнило, может сказать, что препятствовать не было сил. К тому же на Волге, в Царицыне и Астрахани, стоят такие гарнизоны, что не разгуляешься,

Однако, как хитрый человек, он не преминул и здесь ня всякий случай оградить себя от ответственности перед Москвой. Не препятствуя в действительности ничем четырем стругам Разина, он 5 мая 1666 года строчит донесение царицынскому воеводе Андрею Унковскому, что „войсковой казак Степан Разин с товарищами" погребли мимо Черкасска вхерх, что „этот Степан с товарищами многие городки разоряют и грабят торговых людей и побивают". Говорит в своем донесении он и о том, что он со старшиной посылал погоню, но, несмотря на все усилия, догнать его не могли.

Удивительно быстро „погребли" разинцы, что и верхом их не догонишь! Читая это донесение, невольно задаешься мыслью да не на моторных ли лодках плыл Степан, что и конному его догнать не удавалось?! Если Корнило Яковлев был не только против движения на Азовско-Черноморское побережье, но вообще против какого бы то ни было похода хотя бы и „за зипунами", то почему тогда он не остановил Разина в апреле у Черкасска? Проходя так быстро вверх, что, по словам донесения, и догнать его было нельзя, он не имел, конечно, никакой возможности останавливаться, чтобы жечь городки, разорять, бить и грабить торговых людей. Если же верить этому донесению, что Степан все это делал, то не покажется ли странным, что Яковлев не мог его догнать с конными людьми — на весельных лодках так быстро не пойдешь против течения. Если бы Корнило гнался за ним даже на весельных же лодках, то и тогда должен бы был догнать, так как тот, по его словам, делал остановки, чтобы разорять и грабить городки. Все это не соответствует действительности. Предположим, наконец, что Корнило Яковлев поздно спохватился со своей погоней и поэтому Степан имел время уйти далеко. Но ведь Войско тех времен не было настолько бессильно, чтобы не справиться с отрядом в 200 человек, и Яковлев имел полную возможность разгромить его даже тогда, когда с этой еще пока кучкой храбрецов Разин засел на острове у Паншина городка. Корнило этого не сделал. Он был рад и удовлетворен, что приказ царя—не беспокоить турок - был им соблюден, а остальное его мало тревожило. Так что донесение Яковлева должно рассматривать в этой его части, не более как выдумку хитрого сребролюбца, что-то желавшего еще получить.

Воевода же Унковский, донося царю, что „Стенька Разин с товарищи на воровство из Черкасского пошел же и войско ему в том не препятствовало" был прав. Корнило Яковлев, как видно, чем то был не доволен Москвой. Вероятно мало получил. И вот, Иудушка казачий, не нарушая договора с турками, дал Разину возможность пройти до Паншина, т. е. почти ча 500 верст от Черкасска, чтобы

через Разина иметь случай показать царю „великия и малыя Руси", что еще не так просто взять Дон, что есть еще казаки, с которыми придется толковать и ой как толковать.

Вот теперь, — как бы рассуждает Корнило,— ты, царь Московский, сам сможешь убедиться, как это не просто. А дай в свое время подмазки побольше и все дело решилось бы просто — Степан из Черкасска не двинулся бы. Не подмажешь, царь-государь, не поедешь! Посмотрим, как вы будете с ним справляться, а мы, атаманы со старшиною, успеем еще показать себя.

Степан же Разин, тем временем, не замечая за собой погони, спокойно плыл себе вверх. Дошел до Паншина городка остановился на острове, что между рек Тишной и Иловлей. Полая степь и расставленные Разиным посты были хорошей преградой к незаметному проникновению в его стан кого либо. Никто, без предварительного опроса и осмотра, не мог появиться в стан тайком с целью разведки. Скоро ряды его отряда стали пополняться казаками, увидевшими уже серьезную возможность пожить, погулять.

Эта тяга казаков на остров к Степану не ускользнула от внимания царицынского воеводы, и это его беспокойство передалось и другим. Заволновался стан воевод. Летят сообшения от одного к другому — „что задумал Разин, как с ним быть, что предпринять, готовы ли наши воины дать отпор, нельзя ли как нибудь помешать Разину? "...

Царицын строчит в Черный-Яр, отсюда вести летят в Астрахань-крепость, дальше в Саратов. Все скопом тормошат Москву просьбами усилить гарнизоны, а царицынского воеводу Унковского запросами о том, как относятся к Разину Степану казаки, да неужели к нему нельзя пройти и разузнать? !...

А Разин засел на острове и молчит. Что то еще непонятное для воевод, но, как будто, грозное в своем молчании надвигалось на них с этого „заколдованного", недоступного их агентам, острова близь Паншина городка. Не втерпеж станорится Унковскому. Посылает он Ивана Бакунина с людьми узнать, посылает духовных отцов с увещевательной грамотой, но... что делать — на остров для всех них доступа нет. Кругом вода, а тут еще эти паншинцы. Как будто и не примыкают к Разину, но и не говорят ничего, даже и лодку для переезда не хотят давать. „Ох уж эти казаки!" — вздыхали посланцы. Так ничего толком и не узнали. Слыхом слыхали, что там у него „кажись человек тысячу, а може быть и поболее, потому что к тем воровским казакам тайным обычаем многие люди уходят безпрестанно" (проф. Фирсов. „Разиновщина", Акты Исторические, I. IV. № 202, 376).

(Продолжение следует).

---

† Проф. Ф. А. Щербина.

# Пережитое, передуманное и осуществленное

В таком освещении представляется мне наша царина, которою я восхищался в детстве и которой, втечение двухлетнего пребывания дома до поступления в Екатеринодарское духовное училище' я отдал несравненно больше внимания и симпатий, чем играм в войну. Царина и степь охватили мою голову и мысленные процессы с тем большею силою, что с ними у меня сохранились с детства самые светлые воспоминания о двух фигурах, игравших в хозяйстве матери первые роли, — об Явтухе землепашце и об Охтиане пастухе.

Не один баштан привязывал меня к царине. Царина питала мой ум и чувства полнотою своей обстановки на лоне природы и общими движениями, совершавшихся на ней трудовых земледельческих операций. С ранней весны, когда мне удавалось взглянуть на нее, она рисовалась мне в одной картине.

Тогда на общем фоне пробивающейся из земли зелени в одних местах чернели еще нивы, а в промежутках между нивами, не только зеленела, но и пестрела нетронутая еще степь, покрытая пока низенькою травой с пестреющими уже на ней цветами желтого горя-цвета, лазурного воронца и с кудрявыми головками одуванчиков. Через три четыре недели картина менялась. Цветущею зеленью отдавала вся царина. Только царь и бог ее — баштан, был еще в своем черном непрезентабельном наряде, к которому только местами прилепились всходы арбузов и дынь, но огудина огурцов и тыкв уже мощно раскинула свои побеги с широкою листвою. Местами Явтух скосил уже траву „на обніжках", т. е. в промежутках между нивами, местами перепелки вывели маленьких маленьких, как паучки, перепелят. А еще через две недели Явтух и мы скинем сапоги и пойдем босые „збірать огірки". В это время, почти всюду на „обніжках" Явтух сложил скошенную и подсохщую траву в копны. Когда он станет стягивать копны „до купи", я ухитрюсь побывать в царине и буду ездить на „копицях". И с этой поры начинается ряд интереснейших работ: сенокошение, потом с'емка и уборка урожая на нивах пшеницы, проса, ячменя и пр.; подготовка тока для молотьбы, молотьба и т. п. Всего в немногих строках не опишешь. Всем этим мы не только интересовались, но и жили, мыслили, чувствовали и наслаждались. Царина об'единяла нас, младших братьев, и на детских удовольствиях, к которым причастен был и старший брат Василь.

Василь, обыкновенно, приезжал из Екатеринодара около праздника Петра и Павла, когда появлялись на баштане огурцы, и в год приезда домой Тимоши он был инициатором поездки нашей на царину не на лошадях, а в роли лошадей.

В тот же день, когда приехал домой брат Вася, мы сообща решили отправиться втроем в царину, хотя осуществили эту поездку несколько позже. Особенно стремился к этому Вася и нас тянул за собою. Но как это следать? Явтух мог не скоро приехать в станицу из царины, где он был одновременно и работником и сторожем. Мать тоже не собиралась уезжать на поле по случаю приезда

домой Тимоши. Я, как бывший командир, сразу же разрешил, что надо хорошенько вооружиться, сесть на коней и ехать просто в царину. Брат Андрюша был того же мнения так как раньше я не принимал его по молодости лет в свой отряд, а в данный момент он мог проехать рядом с нами настоящим казаком. Но Васе не понравилось мое предложение в такой форме, какую он считал детской забавой. Он придумал свою поездку, имея в виду проехать в царину не верхом на камышинке, а на маленькой повозочке. К сожалению, у нас не было повозочки, а имелось только четыре колеса от нее. Вася немедленно же приступил к делу, соорудил две оси из толстых слег, связал их тремя небольшими тесинами, привязал веревки к осям и тесинам вместо оглоблей — повозка была готова.

Рано утром, напившись чаю, мы запряглись в повозочку. В корень стал Вася, правая пристяжка досталась мне, а левая Андрюше. Я сильно храпел и нетерпеливо бил ногами о землю. Брат Андрей подражал ржанию жеребенка, а брат Василь, насупившись, молча соображал о чем то, несколько раз оставляя свое место и бегая в кладовую, в которой хранились веревочки, гвозди и пр. Повозочку и тройку лошадей увидела мать, сестра и брат Тимоша. Они вышли на крыльцо и весело смеялись над нами и нашею запряжкою. Вася решил, наконец, двинуться в путь и, прикрикнувши на лошадей: „но, коренник! но, пристяжные!". Мы дружно подхватили повозочку и направились прямо на улицу через открытые ворота.

— Куди ви, куди!? — кричала мать. — Грайтесь в свойому дворі!"

Но кони закусили удила и без удержу помчались вперед. Никому из домашних и в голову не приходило, что кони заранее решили пробраться с повозкою в царину к Явтуху. Вася крепко на крепко приказал нам держать язык за зубами и никому не открывать наше намерение, а я и Андрюша были тверды в слове, как кремни.

Не помню как мои братья смотрели на свои лошадиные обязанности, но я живо чувствовал, что я самая резвая лошадь и что в качестве таковой мне следовало по меньшей мере рвануть из всей силы пристяжку. Так я и поступил, дернувши на бегу за веревку. Повозка повалилась на бок, коренник упал на колена, левая пристяжка покатилась в сторону. Один я удержался на ногах.

— Ти чого ж цей?—крикнул коренник и сердито посмотрел на меня.

Я опешил, живо почувствовавши свою вину и, при том, в качестве младшего, слабейшего брата. „Будя бить Васька!" — невольно мелькнуло в моей голове. Тем более вероятным показалось мне это, что в опрокинутой повозке отскочила одна из связующих задние колеса с передними тесина. Ехать дальше нельзя было. Но коренник не дрался и был, надо полагать, не столько мирно настроен, сколько благоразумен, ибо впереди предстоял длинный путь и ссориться было еще рано. Молча, кое-как, вбил Вася гвозди в старые гнезда и для большей крепости привязал тесину с двух краев веревочками, При этом обнаружилось, что коренник был нагружен веревочкавимгвоздями и еще какими то предметами, за которыми он несколько раз бегал в кладовую в самый горячий для нас момент от'езда.

После этого случая тройка смирилась и умерила свои порывы. Мы поехали медленно и, миновавши последние станичные дворы, направились по дороге прямо в нашу царину. Так проехали мы еще с версту или две; никто уже не рвался вперед, не ржал, не топал ногами, а наоборот, лошади заговорили человеческим языком.

— Чи скоро ми будемо в царині?—спрашивал Андрей.

— А ти вези, як слід! — вместо ответа заметил Василь.

— А як би повозочка сама іхала и ми сидіди на ній?! — фантазировал Андрей.

— Не отставай! — снова огорошил его Василь.

Я вез усердно и соображал, сколько еще придется нам проехать. До царины оставалось не менее десети верст, а мы проехали около четверти пути. Не смотря на небольшие размеры повозочки, нам приходилось тащить таки некоторую тяжесть, ибо плохо обделанные оси скрипели и гальмовали колеса. Обаяние упряжной лошади начало ослабевать. „Легче и свободнее думалось мне, ездить верхом на камышинке" и затем в голове само собою появилось; хорошо было бы привязать нашу повозочку к большой повозке или дрогам.

Андрюша остановился.

— Чого ти став? — спросил его коренник.

Підождемо дрог — наивно ответила левая пристяжка, как бы таинственно уловивши мое соображение, — й привяжемо повозочку ззаду до дрог.

— Де ж ти візьмеж дроги? — сердито пробурчал коренник и коротко прибавил:

— Вези! . . .

Проехали еще шагов триста-четыреста и левая пристяжка снова стала.

— Чом ти не везешь? — совсем уже раздраженно спросил Андрея Василь.

Но вместо ответа внезапно раздался плач.

— Я не хочу везти на пристяжці повозочку!— всхлипывал Андрей.

— На, становись в корень! — предложил коренник пристяжке и уступил свое место.

Проехали еще небольшое пространство и снова раздался плач Андрея.

— Я не хочу бути конякою, — всхлипывал Андрей.

Мы по необходимости остановились и распряглись.

Довольно продолжительный отдых несколько освежил нас. Андрей сел на самой дороге и начал ковырять палочкою землю. Васил молчал, а я, желая воодушевить Андрюшу, начал описывать ему прелести царины, как там хорощо и весело, как мы пойдем к озеркам и будем там стрелять куличков и уток, как Явтух сделает нам „млинок" и как восхитительно сидеть на возу, когда он нагружен свежим пахучим сеном. Андрюша тоже воодушевился и первым предложил ехать дальше, забывши, что он не хотел быть лошадью. Вася, однако, был благоразумнее нас.

Он сообщил нам, что дальше повозочка пойдет на паре, а Андрюша пусть будет жеребенком и станет бегать возде повозки.

— А я попереду повозочки буду бегать!"

Сказано — сделано. Повозочка пошла на паре в сопровождении жеребенка. На этот, раз жеребенок оказался самым веселым представителем двуногих лошадей, и правая пристяжка не без зависти смотрела на него. Жеребенок сворачивал с дороги, заглядывал в норки, находившиеся вблизи дороги, рвал цветочки или ковыль, или ловил мотыльков и, казалось, совершенно забыл про свою усталось. Но коренному и правой пристяжке так же лезло в голову, что несравненно лучше было бы не везти повозочку, а ехать на ней. Отступить, однако, от раз принятого намерения было поздно. Мы проехали уже далеко от станицы. Впереди перед нами виднелась балка и на ней хутора Ткачен ка, Драценка и др. Это была почти половина пути от нашей станицы к царине. Под'езжая к балке, мне пришла в голову соблазнительная мысль.

— Давай, Вася, — предложил я брату, — посадим Андрюшу на повозочку и свезем его в балку? З гори вниз не трудно будет везти!

— Давай, — согласился Вася. Андрей кое как был посажен на повоку, и мы осторожно начали спускаться по косогору вниз, но бывшая левая пристяжная, забывши роль жеребенка и очутившись в роли седока, не могла мириться с медленною ездою.

— Ну, ви, вороні! — начал понукать наш седок, ну-ж ви, погані!

Мы смеясь, прибавили шагу. Повозочка быстро покатилась и, хоть спуск в балку был не особенно крутой, повозочка начала набегать на нас сзади и бить по ногам. Мы прибавили еще шагу и, в горячах, нечайно дернувши за веревку, не могли остановить уже повозочку и стремглав полетели в балку. Андрей был в восторге и во все горло орал;

— Эх ви, вороні! З горки на горку, пан даст на водку!

Но в этот момент повозочка со всего размаху накатилась на нас. Я упал на правую сторону, Василь прямо ничком на дорогу, повозочка, встретивши препятствие в виде спины коренника, перевернулась вверх колесами, щедрый пан, обещавший дать на водку, кубарем полетел в репейник. Громко плакал ушибленный Андрей, плакал потихоньку и я, а Вася стонал от боли и как то подозрительно сморкался и утирал нос. У Андрея оказался подбитым глаз, я чем то до крови оцарапал икру левой ноги, а через спину Васи перекатилась вся повозка с паном. От повозочки остались в исправности только одни колеса с осями, из трех тесин одна раскололась на двое в местах, где вбиты были гвозди, а у другой тонкая передняя часть потрошилась в щепки. Как ни вертел потом Вася поломанные щепки тесины, наладить повозочку снова было невозможно. Оставалось тащить каждую пару колес особо. Привязали оба конца веревки к каждой оси, Вася заднюю пару колес, как наиболее тяжелую потащил сам, а другую передал мне. Тесины были брошены, так так их некуда было приладить и мы медленно, с несколькими остановками для отдыха, поднялись из балки на гору.

Едва мы с Василем вытащили колеса на ровное место, как точно по уговору оба сели. Тащить одни колеса было совсем не интересно. Повозочки не было, и последняя иллюзия, подбадривавшая прежде друх нас, исчезла. А между тем бросить колеса было рисковано да нам это и в голову не приходило. Вдруг мы с удивлением заметили, что наш маленький Андрюша тащил на гору даже поломанные тесины. Это было ему не по силам, и он переносил их по частям. Пот катился с него в три ручья, а он кряхтел и серьезно был занят своим делом.

— На що то, Андрюша, ти таскаешь? — спросили его мы.

Андрей посмотрел на нас и внушительно ответил:

— А за то, що треба!

Подойдя наконец к нам, он с важностью пояснил; „Ось з цеі дощечки можна зробить гарну скрипочку, а з ціеі крила на млинок, а з ціеі "..., оказалось, что из каждой досточки может выйти или „гарна скрипочка" или „крила на млинок".

(Продолжение следует).

---

# ХРОНИКА.

— КАЗАКИ НАЦИОНАЛИСТЫ В БЕРЛИНЕ: 25 февраля с. г. состоялся годичный общий сбор Берлинской каз. нац. станицы, на котором был заслушан доклад стан. правления о деятельности за истекший год. Деятельность станичного правления сбор одобрил, выразив ему благодарность. После доклада, станичное правление, ввиду истечения срока, сложило свои полномочия и предложило сбору избрать Председателя сбора для проведения выборов нового правления. Председателем был избран сотник Н. П. Корсов и секретарем хор. В. И. Бабич. На предложение Президиума — называть кандидатов на пост станичного атамана — была выдвинута кандидатура только одного И, Д. Овсяника. После этого сбор решил оставить старое правление на новый срок. Таким образом, станичным атаманом Берлинской станицы каз.-нац. по прежнему является ес. И. Д. Овсяник, а помощником В. И. Бабич. Казначеем станицы избран Ф. И. Коробов. В голосованиях приняло участие 12 членов станицы. Всего же в станице к 1-му марта с. г. состоит 12 человек.

— В ближайшем будущем предстоит полный Окружной с'езд в Польском Вольноказ. округе.

— Калмыцкая колония, инициативой нац. настроенной молодежи, 21 марта с. г. устроила большое публичное собрание с докладами по случаю 710-летия со дня смерти Императора Монголов Чингис-Хана. Вечер, устроенный этой же молодежью по сдучаю праздника „Цагана" прошел с хорошим моральным и материальным успехом.

— Член Центр. Правления ВК Ш. Н. Балинов предпринимает об'езд некоторых стран вольноказачьего рассеяния.

— Центральное Правление сзывает летом этого года С'езд Представителей Вольноказачьих округов и членов руководящего кадра движения.

— Вышел номер 11 й „Казачьего Дела"—органа „Лиги Возрождения Казачества". Из нового в номере то, что организация эта официально и публично отбрасывает примечание к пункту 3-му своей программы, которое говорило о возможности вхождения Казачества в состав будущей, небольшевицкой России на приемлемых для него началах. Ныне эта возможность исключается.

Член Центрального Правления инж. Д. Н. Еременко поместил за последнее время ряд антисоветских правдивых статей в чешской прессе. Точно такая же работа ведется и членом Президиума ЦП. Полк. Д-ром С. А. Федоровым.

— В ПРАГЕ: На очередном собрании 18-го марта Об'единения Вольного Казачества (ценр) были избраны органы ОВК: Председателем Д-р инж. С. Федоров, заместителем инж. Б. Фесенко, казначеем инж. Д. Еременко, секретарем инж. В. Глазков и членом Правления инж. к. И Мосев, кандидатами: А. Бурчнов, Гр. Еременко, Н. Маркин. В ревизионную комиссию: Председателем А. Медяник, члены инж. В. Нестеренко, Н. Каледин, кандидаты: Х. Амарханов, В. Быков.

За истекший год по Правлению ОВК (центра) оборот сумм был в 19.212 крон 90 гел., из того в приходе — 9.582 кр. 99 гел., в расходе — 9.630 кр. Наибольшую сумму поступлений дали членские взносы и безвозвратные ссуды членов — 5.395 кр., фонды —2,138 кр. дары — 1.293 кр.

В расходах 2.935 кр. на вспомоществования членам, 1.360 кр., на культурные нужды и прессу, 4.600 кр. на ВК дело.

— На очередном годичном собрании Пражской ВК станицы имени Войскового атамана Великого Войска Кубанского Игнатия Некрасова были избраны Станичным атаманом Сотник Никон Каледин, писарем Сотник А. Медяник членами правлеоия Н. Карташев, А. Бурчинов. Доверенными: инж. Д Еременко, В. Быков.

— В Годичном сборнике Славянского института — ученой организации, об'единяющей выдающихся представителей славянского ученого мира, была помещена информация о деятельности и составе органов казачьих организаций, имеющих сношения с иными славянским учреждениями, на культурном поприще — Об'единение ВК, Общество изучения Казачества и Союз Кубанских писателей и журналистов, а так же помещен перечень лекций и докладов, сделанных ими в прошлом году.

— Казаки националисты приняли участие в чествовании 710 летия смерти организатора монголов — Чингис хана, устроенного 21 го марта калмыцкой молодежью в Праге. Др. Федоров приготовил доклад „Казаки в империи Чингис Хановой".

— В марте с./г. ред. журн. „ВК" И. А. Билый сделад в Париже публичный доклад по случаю годовшины Степного и Кубанского походов. В докладе своем И. А. Б., обходя молчанием заслуг главных героев походов, попутно пытался развенчать пок. Атамана А. М Каледина. Член ЦП. — Ш. Н. Балинов, присутствовавший на докладе и в числе оппонентов просивший слово, таковое не получил. Ему было отказано в слове на публичном собрании, устроенном вольным казаком! . . . Так И. Б. „спасся" от Балинов. „Бежок не честен, но здоров"!

— Грузинская колония в Праге ежегодно устраивает праздничное собрание, посвященно годовщине прозозглашения самостоятельности Грузии. На эти собрания, обычно, бывает много приглашенных. Бывают и представители местной общественности, особенно социал-демократы. В этом году на Грузинском праздненстве выступил с речью видный чешский полит. деятель — Председатель Сената Др. Соукуп. В отличие от других ораторов, приветствовавших грузин со днем нац. возрождения и желавших скорейшего возвращения самостоятельностн, сенатор Соукуп сделал обзор международного положения и закончил выражением уверенности, что мудрый Сталин даст народам в СССР свободу. Выступавшие за ним ораторы мялись, не решаясь возражать высокому гостю, и ходили вокруг да около. Только один казак-националист Инж. В. Г. Глазаков нашел в себе мужество в точных и энергичных выражениях указать на ошибки и заблуждения сенатора в отношении СССР. и, прерываемый громкими аплодисментами почти всех присутствующих, заявил, что казаки боролись и будут до конца бороться с большевиками за свою свободу.

— В БОЛГАРИИ: На 15, 16 и 17 мая с. г. ревизионная комиссия Союза Казаков Националистов в Болгарии созывает Чрезвычайный Окружной С'езд в Софии Приветствия направлять по адресу: Ф. В. Оболенский, ул. Чумерна 37. Sofia.

## ПОПРАВКА

В прошлом (19-20) номере нашего журнала, по недосмотру, не были поставлены фамилии авторов письма в редакцию на украинском языке на третьей странице обложки. Под этим письмом следует читать: Инж. Швец и П. Манченко.

## РОЗЫСКЪ

Розыскиваются Алексвй Сергеевич и Клавдия Сергеевна Топорковы (дети ген. Сергея Михайловича Топоркова, уроженца гор. Акит Забайкальской области). Розыскивает их родной дядя, проживающий в гор. Харбине (Манджу-Ти-Го). Всех знающих что либо о розыскиваемых прошу сообщить по адресу; Перфильев. Донска 1. Београд—I. Югославия. Розыскиваемые должны быть в Чехословакии. Покойный ген. Топорков служил в Кубанских казачьих частях.


# Об'явление

**Хордошие джигиты, кубанць Алексей Махонин и Иван Глушков, в послед. время работавшие в известн. команде Ник. Цагоева, ищут место в команде джигитов. Седла имеют. Писать по адресу: Alexei Machonin, (u veļkostat. Knast) p. p. Chvalovice u Znoima. Tchecoslovaquie.**

## ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

**на литературно-исторический и информационный журнал**

# КАЗАКИЯ = КОЗАКІЯ

| Условия подписки | на 6 мес: | на год. | отдельн. номера |
|---|---|---|---|
| Во Фрации . . . . . | 12 фр. | 24 фр. | 2 фр. |
| В Чехословакии . . . . | 30 к. ч. | 50 к. ч. | 5 к. ч. |
| В Болгарии . . . . . | 60 лева | 120 лева | 10 лева |
| В Румынии . . . . . | 80 лей | 160 лей | 12 лей |
| В Польше . . . . . | 8 зл. | 15 зл. | 1 зл. |
| В Германии . . . . . | 3 р. м. | 5 р. м. | 50 пф. |
| В Сев. Америке и др. странах. | 1·50 долл. | 3 долл. | 0·20 долл. |



Адрес издательства и склада: АГР. И. М. ЕВСИКОВ, ул. Царь Асень, 69, София.

Печатница „НОВЪ ЖИВОТЪ“, ул. Царь Самуилъ № 61. Тел. 2-48-69 — София.